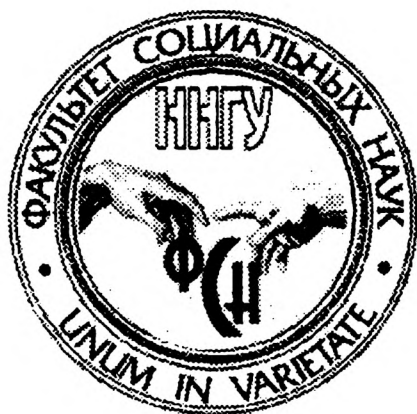

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Труды молодых ученых
Факультета социальных наук
ННГУ

Нижний Новгород — 2000

УДК 316+1

ББК С5_{я43} + ЮЗ(2Рос)

Труды молодых ученых Факультета социальных наук ННГУ. – Нижний Новгород, Издательство НИСОЦ, 2000. – 45.

Научная редакция:
профессор Саралиева З.Х.
доцент Иудин А.А.

Рецензент:
профессор Бекарев А.М.

В настоящем сборнике представлен опыт самостоятельной научной и исследовательской работы молодых ученых ФСН ННГУ. В сборнике рассматриваются и прорабатываются актуальные проблемы в области социальных наук: становление и развитие института социологии в России и за рубежом; категория ценности в социологии; социальная работа в армии; конструирование социального мира; положение учителя в современном российском обществе; культурные ориентации современной интеллигенции и др.

Сборник представляет интерес для студентов гуманитарных отделений вузов и всех тех, кто интересуется социальными науками.

ISBN 5-93116-023-X

© НИСОЦ, 2000

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА НИЖНЕГО НОВГОРОДА)

Е.В. Бочковар

Одной из проблем русской социологии сегодня является недостаточная изученность ее истоков. Идеи отечественной социологии, история ее развития мало знакомы современным российским социологам, уделяющим особое внимание теоретическим работам западных ученых. В этой связи представляется особенно важным изучение процесса институционализации социологии в России, сравнительный анализ направлений развития социологического знания в России и за рубежом в XIX — начале XX века, понимание основ отечественной социологии.

Следует заметить, что знакомство с социологией в России произошло еще в первой половине XIX века. Именно в этот период в отечественных журналах появились первые обширные статьи, посвященные социологии. Благодатной почвой для усвоения этой науки являлся острый интерес русских ученых к общественным вопросам, поэтому в конце шестидесятых годов XIX века социология приобретает популярность в интеллектуальной среде страны¹.

В то же время проявлялись крайнее неприятие и подозрительность к любым социологическим идеям со стороны властей России. Негативное отношение правительства к социологии прежде всего объяснялось требованиями изменений в обществе, которые она теоретически выражала. Изменения ценностей и норм общественной жизни после реформы 1861 года демонстрировали необходимость изменений в обществе в целом. Социология, выполнявшая здесь функцию социальной критики, менее всего была угодна действующей власти.

Специфической чертой и смыслом русской социологии являлось стремление к целостному восприятию социальной действительности, открытию закономерностей развития общества. Русские социологи отнюдь не всегда примитивно заимствовали идеи западных ученых, но критиковали их и вносили принципиально новые черты в концепции, основанные на позитивистском течении. Особый интерес для российских ученых представляли взаимоотношения толпы и личности, анализ социальной структуры общества. Стремление найти пути к созданию гармоничного гражданского общества с помощью социологии определяло особенность научного подхода русских ученых к проблемам социологии, а также являлось основой интереса к этой науке.

Результатами «натянутых» отношений со властью были отсутствие собственного печатного издания у социологов, невозможность создания кафедр социологии в университетах.

Однако, в качестве учебной дисциплины социология периодически появлялась в высших учебных заведениях России уже в конце семидесятых годов XIX века. Одним из первых систематических курсов был объявлен в 1890 году в Гельсингформе курс профессора Е. Вестермаркова. Подобные курсы читались в Петербургском университете, изредка в Харькове. В некоторых городах социология преподавалась как факультатив².

В годы столыпинской реакции социологическая наука была занесена в список

¹ Социологическая мысль в России / Под ред. Чагина. Л.: Наука, 1978. С. 15.

² Новикова С.С. История развития социологии в России. М.: Издательство "Институт практической психологии", 1996. С. 123.

«нежелательных областей знания», поэтому преподавание ее где-либо в России стало невозможным, а профессора социологии были вынуждены покинуть страну, получив возможность вернуться в Россию лишь после революции 1905 года¹.

В 1901 году в Париже усилиями русских профессоров была создана Парижская высшая русская школа общественных наук. Слушателями лекций М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, Э. Дюркгейма. Г. Тарда были русские эмигранты, приезжающие из России учителя и т.д. В 1905 году под давлением российского правительства, угрожавшего ее создателям лишением гражданства, школа была закрыта.

В том же году, вернувшись из эмиграции. М.М. Ковалевский с П.Ф. Лесгафтом создали в Петербурге Высшую вольную школу, которая должна была продолжить традиции Парижской школы, однако царское правительство поспешило закрыть это учебное заведение. С тех пор русскими социологами неоднократно организовывались научные общества, социологические секции и т.д., но многие из этих попыток заканчивались провалом из-за притеснений со стороны властей. Тем большей победой для русских социологов явилось создание кафедры социологии при частном Петербургском Психоневрологическом институте в 1911 году. Ее возглавляли Е.В. де Роберти, позднее П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев.

Развитие преподавания социологии в России как составляющая процесса институционализации социологии в начале XX века приобрело особый размах. В качестве предпосылки здесь следует отметить, что в русской социологии наступал период, когда в данной теоретически продуманной сфере деятельности появилась необходимость в направленной подготовке специалистов. Однако. Подлинное название науки при преподавании ее в учебных заведениях следовало маскировать под названиями типа «обществоведение», «законоведение», «введение в государственноеведение» и т.д.

С точки зрения теоретических основ, преподавание социологии в российских университетах строилось исключительно с позицией позитивизма. Содержание программ и учебных пособий, выбор тем лекций определялись, прежде всего, следующими обстоятельствами: 1) позитивизм был наиболее влиятельным направлением с хорошо разработанными принципами и методами; 2) все наиболее активные организаторы и лекторы были представителями позитивистской социологии. Так, М.М. Ковалевский считал, что зная О. Конта и Г. Спенсера, студенты будут знать главное. Большинство же социологов просто повторяло то, что было сказано ими.

В частности, в Народном университете Нижнего Новгорода социология читалась на историческом отделении с момента открытия его и некоторое время после революции 1917 года.

Как и во многих университетах России, названиями курса были «Общество и человек», «Строение и эволюция общества» и т.д. Подобные меры были продиктованы необходимостью скрыть факт преподавания социологии в университете.

Ввиду отсутствия подготовленных преподавателей социологии в Нижнем Новгороде, лекции по социологии читались здесь московскими профессорами. Следуя веяниям времени, преподаватели излагали сущность «предмета социологии» (следует напомнить, что на той ступени развития науки социологии не проводили границы между предметом и объектом социологии) с позиций неопозитивизма. Для иллюстрации данного утверждения следует привести фрагмент лекции А.А. Петрова, одного из профессоров Московского университета: «С появле-

¹ Антология русской классической социологии / Под ред. Клементьева Д.С. М.: МГУ, 1995. С. 12.

нием идеи закономерности и причинности явлений реальный мир сразу очистился от всего порожденного вымыслами... Если мы можем предвидеть и воздействовать на общественный процесс, то должны влиять на естественный ход развития... Со Спенсером, показавшим в «Самопроизвольном творчестве», что все строится в жизни естественным течением вещей, теперь можно не согласиться. Могучие общественно-стихийные силы могут направиться по нескольким руслам. Так, например, товарообмен Германии, имеющей государственную организацию, развивался лучше, чем в России, где он организовался естественно...»¹. На основании вышеприведенных высказываний можно сделать вывод о том, что профессор А.А. Петров видел предназначение социологии сугубо в диагностике «общественных заболеваний», что характерно для неопозитивистов. Но здесь наблюдается и отход от позиций позитивизма, согласно которым общество развивается естественным путем. И, следовательно, никаких изменений в его развитии общество само спровоцировать не может. Предмет социологии А.А. Петров видел в сумме психологических взаимодействий индивидов. Что также подтверждает предположение о распространении неопозитивистских взглядов в российской социологии начала XX века.

Итак, как можно заметить, русская социология также имела тенденции к эволюции взглядов и позиций, и здесь были заложены предпосылки для успешного развития отечественной науки в дальнейшем. Кроме того, развитие преподавания социологии в российских университетах давало стимул для подготовки нового поколения ученых-социологов. Введение преподавания социологии в высших учебных заведениях, возникновение кафедр социологии, предпосылки к созданию собственного научного печатного издания, — все это говорило о том, что социология практически институционализировалась в России к 1916 — 1917 гг. Однако, вскоре после революции 1917 года, в Нижегородском университете, как и во многих других учебных заведениях России, лекции по социологии стали читаться значительно реже, нежели до революции. Постепенно социология была вытеснена из программ обучения как наука «ненужная» и лишь некоторые ее позиции освещались в курсе исторического материализма. (Здесь рассматривались теории О. Конта и Г. Спенсера, критиковались позиции позитивизма в социологии)².

Все тенденции развития, наметившиеся за долгий и тернистый путь институционализации науки в России, были подавлены в конце 20-х годов XX века. Социология, не нашедшая участия со стороны царского правительства, пришлось «не ко двору» и новой власти.

Зная историю становления социологии в России, в наших силах сегодня не допустить ее увядания на фоне западной социологической науки, творчески развивая теории, которые смогут стать новой парадигмой в мировой социологии.

КАТЕГОРИЯ ЦЕННОСТИ В СОЦИОЛОГИИ

С.В. Власов

В науках об обществе понятие «ценность» употребляется в четырех

¹ Нижегородский листок, 1916. № 262.

² Программа обучения общественно-экономического отделения Нижегородского университета на 1926-1927 год. Дело 1132.

«...отчасти пересекающихся смыслах, что иногда затрудняет¹ понимание этой категории, сыгравшей значительную роль, в том числе, и в развитии... социологической мысли, начиная с последней трети прошлого века»².

Каждое из четырех значений имеет свою собственную предметную область, где его своеобразие раскрывается и применяется наиболее точно. Этим предметным сферам соответствуют четыре стороны социальной жизни, каждую из которых отдельное значение характеризует наиболее полно (по сравнению с другими значениями).

Первые три значения используются, как правило, в отдельных отраслях социологии.

В социологических и экономических концепциях труда, которые используют трудовую теорию стоимости, под ценностью понимается *трудовая стоимость*³.

Направления экономической теории и экономической социологии, анализирующие хозяйственную мотивацию действующих субъектов, трактуют ценность как *потребительную стоимость*⁴. (В повседневной жизни слово «ценность» употребляется в сходном значении, указывая на «...способность вещей и явлений окружающего мира воздействовать на нас таким образом, что они становятся *благами*»⁵.)

В экономических и социологических теориях рынка, а также в концепции социального обмена ценность — это *меновая* (а значит, по праву относящаяся к предмету социологии) *стоимость* товара или услуги⁶.

В теоретической социологии, отличающейся от отраслевых социологий уровнем обобщения⁷ и предметом анализа, ценности означают самые общие принципы деятельности людей⁸. Далее речь пойдет о ценностях в этом значении. В *социальных ценностях* выражены деятельностно-заинтересованное отношение людей к миру и к самому себе, с одной стороны, а также *проблематичность* достижения или поддержания актуальных для субъектов стандартов качества жизни, навязываемых окружающей средой, социальным окружением или принимаемых самостоятельно.

Таким образом, здесь налицо временное измерение социальной ценности. Сохранение социальной ценности всегда имеет прямое отношение к социальному времени, это всегда *процесс*⁹, обладающий длительностью, — будь то приобрете-

¹ Бауман З. Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 119.

² История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 2 / Ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. М.: Канон+, 1997. С. 259.

³ Зиммель Г. Философия труда. // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996. С. 466-485.

⁴ Курс экономической теории / Под. общей ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. Киров.: 1997. С. 46-52, 79-89.

⁵ История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 2. С. 259.

⁶ Об этом подробнее см.: Хейне П. Экономический образ мышления. Пер. с англ. М.: Новосты, 1991. С. 73-102; Скиннер Б. Технология поведения. // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 30-46.

⁷ История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1 / Ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. М.: Канон+, 1997. С. 5.

⁸ Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 81; История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 2. С. 260; Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки. // Американская социологическая мысль: Тексты. С. 343-346; Знанецкий Ф. Исходные данные социологии. // Американская социологическая мысль: Тексты. С. 76-77.

⁹ Томас У., Знанецкий Ф. Указ. соч. С. 344; Зиммель Г. Указ. соч. С. 466.

ние или обладание¹, сохранение или использование², творчество или разрушение³.

Непосредственное отношение к социальному времени имеет не только содержание социальной ценности. Длительность является атрибутом также и для *явлений*, которые социальные ценности инициируют. Содержание социальной ценности «... побуждает его (человека. — С. В.) действовать и вести (разрядка моя. — С. В.) себя определенным образом»⁴. В дополнение к вышесказанному, не только содержание социальной ценности, не только те социальные явления, на которые они воздействуют, обладают протяженностью во времени, но само это влияние продолжительно⁵.

Основной вопрос теоретической социологии в отношении социальных ценностей — это выяснить, *в какой степени* они влияют на сознание и деятельность индивидов. Положение науки о том, что не только социальные условия оказывают воздействие на человеческое сознание, но и сознание обуславливает социальное бытие⁶, не вызывает сомнений. *Познавательная проблема* (одновременно являющаяся и «фундаментальной практической проблемой»⁷) заключается в том, чтобы исследовать *взаимное соотношение* такого элемента общественного сознания, как социальные ценности, и явлений социальной активности людей⁸.

В связи с этим перед социологией встает необходимость проведения *конкретного* типологического анализа социальных ценностей, чтобы выявить, какие социальные ценности каким образом влияют на сознание и поступки людей. (Во избежание возможных недоразумений сразу отметим, что разделяемые отдельными личностями социальные ценности являются ценностными ориентациями⁹).

Существует несколько критериев для типологии социальных ценностей¹⁰.

Во-первых, по конкретной содержательной направленности социальные ценности можно подразделить на экономические, художественные, научные, религиозные и т. д.¹¹.

Во-вторых, в зависимости от числа приверженцев можно предложить, например, следующую шкалу ценностей: одобряемые и не одобряемые численным большинством общества ценности¹².

В-третьих, социальные ценности различаются по признаку их устойчивости во времени (например, базовые и небазовые)¹³.

В-четвертых, по мнению некоторых исследователей, социальные ценности можно разделить на конечные (ценности-средства) и инструментальные (ценности-цели)¹⁴.

¹ История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 2. С. 260.

² Радаев В.В. Указ. соч. С. 64.

³ Зиммель Г. Указ. соч. С. 466.

⁴ История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 2. С. 260.

⁵ Трошин А. А. Осевое время. // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 333-335.

⁶ Merton R. Social theory and social structure. Glencoe: Free Press, 1957. P. 14.

⁷ Томас У., Знанецкий Ф. Указ. соч. С. 343.

⁸ Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. / Пер. со шв. СПб.: Нотабене, 1992. С. 11-13.

⁹ См., например, Томас У., Знанецкий Ф. Указ. соч. С. 344.

¹⁰ Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В.Осипова. М.: Институт социально-политических исследований Российской Академии наук, 1995. С. 870-872.

¹¹ Там же.

¹² Лапин Н.И., Беляева Л.А., Наумова Н.Ф., Здравомыслов А.Г. Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 46-48.

¹³ Там же.

¹⁴ См., например, Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 660.

Относительно четвертого критерия мы считаем более корректным разделение ценностного ядра и ценностной периферии. Основание для отнесения каждой ценности к ценностному ядру или к ценностной периферии — ответ на вопрос, *в какой степени* присваивается данная ценность человеком. Ведь в конкретный момент времени ценности выстраиваются в определенную *иерархическую* систему, — как для отдельного индивида, так и для общества в целом¹.

Значимое не может быть средством, ценность — это то, что достойно само по себе, «...нечто, *не допускающее* (по определению! — С. В.) *никакого эквивалента*»². Поэтому разделение на конечные и инструментальные ценности можно провести только при помощи подмены «уровня наблюдения» (в терминологии Н. Лумана³). Иными словами, ученые, признающие существование такого критерия различия социальных ценностей, как конечные — инструментальные, считают, что исследователь вправе *домыслить вместо* думающих и действующих личностей, что для них является ценностью, а что нет. Когда люди или не отдают себе отчет в том, что некоторая часть ценного для них является только средством для достижения целей, которые также ценятся ими, или осознают, что они ценят некоторые средства достижения значимых целей за то, что те уникальны, и никакими иными методами этих целей не достичь, — в этих двух случаях исследователи обычно говорят об инструментальных ценностях. И наоборот, если что-либо в жизни людей, выполняя лишь роль средства достижения некой важной цели, имеет альтернативу себе, то это не может быть ценностью. Конечно, личность может понимать не всё, и, как правило, неполное осознание присутствует в любом определении ситуации⁴, но только её личные, признаваемые ею самою идеи влияют на её поведение.

Глубина субъективного признания социальной ценности, то есть высокая степень её актуальной значимости для индивида, в большой мере положительно коррелирует с широтой её зональной укоренённости в ценностном сознании человека. Другими словами, высокое место социальной ценности в иерархической системе ценностного сознания тесным образом связано с положительным ответом на вопрос, являются ли содержанием данной ценности *различные* сферы деятельности людей.

Различение ценностного ядра и ценностной периферии — наиболее важное основание типологизации социальных ценностей. Это объясняется тем, что ответ на вопрос, в какой степени конкретная социальная ценность разделяется человеком, тесным образом сочетается с актуальной социологической задачей — выяснить, в какой степени влияет данная ценность на его сознание и поступки.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ФРГ

И.Л. Голованова

В российской науке довольно известным является тот факт, что западногерманское государство пошло путем «социально-рыночного хозяйства», основная

¹ Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 870-872.

² История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 2. С. 260.

³ Луман Н. Понятие риска // THESIS. №5, 1994. С. 139.

⁴ История мировой культуры: Наследие Запада / Под ред. С. Д. Серебряного. М.: РГГУ, 1998. С. 227.

идея которого опиралась на молодую, но всесторонне развитую немецкую ветвь неолиберальной теории, названной известным немецким экономистом Вальтером Эйкеном «ордолиберализмом»¹. Тем человеком, который воплотил теорию Эйка-на в немецкую действительность, был министр экономики во всех кабинетах К.Аденауэра и второй федеральный канцлер ФРГ Людвиг Эрхард, заслугой которого можно считать то, что эксперимент «социально-рыночного хозяйства» завершился успехом. Одним из ключевых положений «ордолиберализма» является принцип «социального партнерства», который был документально зафиксирован во всех программах партии христианских демократов и получивший название «принцип солидарности». Признавая тот факт, что противоречия между наемными работниками и работодателями реально всегда существуют, они, тем не менее, провозгласили отказ от конфликтов и взаимную солидарность партнеров². Со стороны же государства при социально-рыночном хозяйстве требуется (что и является, по сути, целью его социальной политики) гарантировать «индивидуальную безопасность» всех членов общества, работающих по найму, обеспечить «обращение» небольшими состояниями — как материальный результат, а помощь нуждающимся со стороны общества оправдана лишь тогда, когда в силу тех или иных обстоятельств человек оказался не в состоянии обеспечить себя и свою семью³.

В марте 1965 г. на очередном съезде ХДС Людвиг Эрхард заявил о том, что в Германии наступила эра «сформированного общества». При этом целью государства отныне считалось, по словам федерального канцлера, «...преодоление плюрализма противоречивых общественных интересов путем приведения их к общему знаменателю всеобщего благополучия»⁴. Таким образом, речь была подчинена задаче разрешения общественных конфликтов и урегулированию социальных взрывов в стране. Некоторые же отечественные исследователи считают, однако, что в основе этой концепции Эрхарда лежала идея «сильного государства», которое будет способно «формировать» общество⁵.

Такая возможность, на наш взгляд, действительно существовала, так как в хозяйственном и социальном укладе жизни страны произошли существенные изменения.

Высокие показатели экономического развития ФРГ, к началу 60-х гг., стабилизировались. В середине 60-х гг., в области социальной защиты населения, ФРГ выходит на 3 место по размеру государственной материальной помощи нуждающимся семьям, сразу после Франции и Бельгии⁶. Однако, наравне с этими несомненными достижениями государственной социальной политики, раздаются требования различных общественных кругов о снижении расходов государственного бюджета в социальной сфере. Озабоченность тем, что огромные отчисления средств нарушают порядок «социально-рыночного хозяйства», прозвучала и в самих высказываниях Эрхарда. Кроме того, он опасается и такого нездорового

¹ См об этом, например: Федор Арнольд. Предпосылки одного преобразования. «Экономическое чудо» Л. Эрхарда // Диалог. 18/91.

² Эволюция теории и практики «государства благосостояния» в 80-е гг. Сб. обзоров / Сер. Социально-экономические проблемы развития капиталистических стран. Отв. Ред. О.В.Сальковский. М., 1991. С. 144.

³ Арнольд Ф. Там же. С. 70.

⁴ Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. М., 1993. С. 9.

⁵ В таком ключе размышляет, например, доктор экономических наук, профессор Пияшева Л.И. в предисловии к русскому изданию трудов Л.Эрхарда. См.: Эрхард Л. Указ. соч. С. 9.

⁶ Сокольский С.А. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983. С. 192.

«общественного явления», как дармоедство: возможность утратить чувство меры, как в индивидуальной частной жизни, так и в претензиях к обществу. Усиливается опасность, по его мнению, и тем, что «голос отдельного человека все больше заглушается концертом коллективного формирования воли групп и объединений»¹. В результате, он приходит к мысли о том, что государство должно взять на себя ведущую роль в «формировании общества», чтобы избавить страну от таких нежелательных и вредных проявлений. Позднее, в ноябре 1965 г. Л. Эрхард еще раз скажет об этом, однако, уже не в такой жесткой форме².

В результате этого, с конца 50-х годов в государственной социальной политике усиливается тенденция к постепенному введению принципов «социальной самопомощи» и «социального самообеспечения». Она нашла свое выражение в двух основных направлениях: во-первых, это привлечение рабочих к образованию у них капитала с помощью инвестиционных сберегательных касс («Закон о стимулировании образования собственности у работополучателя» — 1961 г.; «Система инвестиционной зарплаты» — 1965 г.; «2-й Закон о стимулировании образования собственности» — 1965 г. и др.)³ и, во-вторых, это особая политика социального страхования. В 1957 г. Л. Эрхард по этому поводу писал: «... необходимо проводить наряду с экономической политикой, которая дает человеку личную свободу, столь же свободолобивую социальную политику... Экономическая свобода и тотальное принуждение к страхованию не вяжутся друг с другом. Поэтому необходимо признать принцип свободы выбора важнейшим принципом политики социального обеспечения, отдавая по преимуществу предпочтение самопомощи и личной ответственности. Соответственно, обязательная государственная помощь не должна охватывать те случаи, когда человек и его семья еще в состоянии сами, под свою ответственность, позаботиться о своем будущем»⁴.

Вполне обоснованная теоретическая программа государства, но при недостаточной законодательной базе и непродуманных действиях государственных властей привели в 1965 году к социальной напряженности в обществе. Особенно резкое недовольство политикой федерального канцлера высказывали профессиональные союзы по всей стране.

Большая часть рабочих считала, что, по сути, федеральный канцлер провозглашал государство «управляющей силой», которая сама решает, кто нуждается в помощи, а кто не может на нее рассчитывать.

Особенно требовательным был профсоюз металлистов, который на своем конгрессе в сентябре 1965 г. выдвинул требования, предусматривающие некоторое государственное попечительство в виде: государственной системы страхования для всех наемных рабочих, пенсии при потере рабочего места, компенсации при переводе на новое рабочее место и др.⁵

Профсоюзы отказывались поддерживать Л. Эрхарда, если он будет продолжать наступления на права профсоюзов. В ответ на это государственный канцлер заявил, что профсоюзы находятся под давлением социал-демократических и даже социалистических⁶ идей и не соблюдают партийно-политический нейтралитет и

¹ Эрхард Л. Социальное рыночное хозяйство и материализм // Эрхард Л. Указ. соч. С. 338.

² Эрхард Л. Бережливость и трезвость. Правительственное заявление, 10 ноября 1965 года // Эрхард Л. Указ. соч. С. 530-562.

³ Сальковский О.В. Социальная политика буржуазии и пролетариат (по материалам ФРГ). М., 1969. С. 238.

⁴ Эрхард Л. Как страховаться - пусть каждый решает сам // Эрхард Л. Указ. соч. С. 335-336.

⁵ Dokumentation der Zeit. Informations-Archiv, 1 Oktoberheft, 343. 1965. S. 12.

⁶ Stuttgarter Zeitung, Stuttgart, 10.09.65 // Informations-Archiv, 1965. S. 18.

конституцию¹.

Таким образом, западногерманская ситуация сентября 1965 года наглядно показала, во-первых, низкую степень подготовленности государства к проведению политики «сформированного общества», а во-вторых, то, что государственные власти пришли к пониманию того, насколько бывает сложным и подчас превышает силы и возможности демократического государства осуществление программы необходимых преобразований без профессиональной подготовки и информированию общества.

В результате, 10 ноября 1965 года последовало правительственное заявление канцлера «Бережливость трезвость», в котором Л. Эрхард рассмотрел весь спектр правительственной деятельности. Это была программа, «обращенная лицом к внутренней политике». Причем долгое время общественность обсуждала тот ее тезис, где провозглашалась необходимость изменений в стране в связи с окончанием послевоенного периода.

Канцлер начал свою речь с того, что отметил требования общественных слоев обезопасить и стабилизировать экономическую и социальную жизнь государства. Это было равносильно признанию кризисного состояния в стране. Актуально прозвучал и его призыв признать сделанные ошибки, причем как свои, так и оппозиции, прийти к пониманию «большой ответственности за судьбу общества», так как «... после быстрого подъема экономики и оздоровления социальных условий жизни немецкая модель экономического и социального строя вступает в фазу ее проверки на прочность»².

Приступая к анализу серьезных трудностей экономического состояния государства, Эрхард отмечает: «Мы не бессильны перед лицом трудностей, если государство — федеральное правительство, и все государственные органы, — а также работодатели и профсоюзы готовы сохранить наш, построенный на принципах свободы, стабильный и сориентированный на социальные нужды людей экономический строй и защитить его от любых нападков»³. Однако при этом канцлер все же не отказался от позиции «сильного государства» и, возвращаясь к своим сентябрьским заявлениям, сказал: «Но правительство обязано действовать и тогда, когда оно не может каждый день быть уверено в одобрении общественности...»⁴.

Далее Эрхард переходит к формулированию целей и задач эры «сформированного общества», которые были скорректированы им в условиях кризисной ситуации 1965 года. Среди них можно выделить следующие:

1. Общество не свободно от противоречий, но они выступают мотором постоянного баланса интересов под углом зрения всеобщего блага.

2. «Сформированное общество» — продукт социально-рыночного хозяйства.

3. Оно должно быть информированным обществом — прежде всего, знать о действиях и намерениях государства, в качестве обратной связи необходимо использование государством результатов новейших научных исследований⁵.

Отвечая на требования общественности, федеральный канцлер выдвинул ряд задач, которые необходимо решать правительству в первую очередь: это задачи корректирования тарифной политики, необходимость в создании адаптационного процесса для перехода рабочих из сокращающихся отраслей в более продуктивные сферы деятельности, решение проблемы исчерпанности резервов рынка труда

¹ Andere Zeitung, hamburg, 16.09.65 // Informations-Archiv, 1965, S. 18.

² Эрхард Л. Бережливость и трезвость // Эрхард Л. Указ. соч. С. 532-533.

³ Там же. С. 533.

⁴ Там же. С. 534.

⁵ Там же. С. 535-536.

в связи с увеличением числа людей пенсионного возраста. Кроме того, он подробно перечислил меры экономии в отношении федерального бюджета на ближайшее время — сокращение доли потребления, снижение дотаций и другие. Ввиду этого, правительством предусматривалась модернизация налогового обложения.

В сфере социальной политики Эрхардом были подтверждены основополагающие принципы «самопомощи», «самообеспечения»: «Социальная политика должна быть устремлена к тому. Чтобы каждый член сообщества ощущал себя свободным гражданином, отвечающим за свое поведение». В связи с этим, Эрхард прямо отклонил сентябрьское требование профсоюза металлистов о всеобщем страховании рабочих и об увеличении и стандартизации размеров пенсионного обеспечения, которое «будет зависеть от индивидуального трудового вклада в течение трудовой жизни»¹.

Правительством был намечен курс на дальнейшей и постепенный отказ от государственной опеки всех социальных групп общества, воздержания от неоправданных социальных дотаций. Однако предполагалось по-прежнему придерживаться на практике принципов целенаправленного содействия развитию профессиональной подготовки, развитию системы образования, которые рассматривались как крупномасштабные социальные инвестиции. В заключение, Эрхард сказал: «Федеральное правительство сделает все, чтобы не допустить превращения социальной политики в ипотеку на наш созидательный потенциал и конкурентоспособность нашей экономики, чем чревато заигрывание с групповыми интересами»².

Оценивая результаты западногерманского опыта в условиях социального кризиса, можно сделать следующие выводы:

1. К середине 60-х годов, ФРГ подошла к новому (после 1948 года) этапу преобразований, связанных с серьезными экономическими и социальными затруднениями в обществе и первыми «холостыми оборотами» в практике «государства благосостояния».

2. В результате было решено провести реформирование всего хозяйственного строя, которое было теоретически обоснованно федеральным канцлером в его концепции «сформированного общества».

3. Пересмотр всей структуры механизма «государства благосостояния» требовал огромной ответственности и продуманности политики государства, так как при этом затрагивались интересы многих десятков миллионов человек и требовались огромные средства из государственной казны.

4. Однако, ни государственная система, ни сами граждане не были еще готовы к такому крупномасштабному и резкому переходу от политики «государственной опеки» к «самообеспечению» и «самопомощи», что и привело к обострению отношений между рабочими и властями в сентябре 1965 г.

Тем не менее, после сложного периода социал-демократического регулирования и увеличения программ «государственной опеки» 70-х гг., концепция «сформированного общества» Л. Эрхарда была снова поднята как знамя «политики перемен» неоконсервативным правительством канцлера Г. Коля.

¹ Эрхард Л. Бережливость и трезвость // Эрхард Л. Указ. соч. С. 544.

² Там же. С. 545.

ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Л.С. Дятлова, Е.С. Маркова

Период преобразований в России в первую очередь ориентирован на реформу национальной экономики, и, несмотря на то, что усилия направленные на ее возрождение не приносят должного результата, в тени остаются практически все остальные сферы общественной жизни, в том числе и образование. Сохранение и развитие образования возможно лишь при условии соответствующего места этой статьи в бюджете страны. Но общество и государство при рассмотрении и решении проблем образования предпочитает опираться на принцип остаточного финансирования.

Образование, школа, учитель воспринимаются как извечные и самовоспроизводящиеся элементы современной социальной жизни. Проблема уязвимости, хрупкости системы образования, школы и учителя не имеет широкого общественного отклика, и не вызывает особого беспокойства. Школа и учитель предоставлены самим себе. Учитель — не только важнейший, ведущий функциональный элемент системы образования, но и важнейшая социальная группа в социальной структуре современного российского общества, а проблемы и беды учительства и образования в перспективе отразятся на всех сферах и областях социальной жизни.

Августовский кризис, с новой силой ударивший по российской экономике, значительно понизил качество жизни всего населения России. Целые слои и профессиональные группы не смогли пережить этот период без серьезных социальных потерь. К таким слоям следует отнести и многие профессиональные группы российской интеллигенции — учителей, врачей, научных и инженерно-технических работников и других. Остановимся более подробно на положении одной их наиболее представительных групп интеллигенции, которая некоторым образом определяет положение российской интеллигенции в целом, а именно на учительстве.

Кризис еще сильнее усугубил и без того беспомощное и социально уязвимое положение учителей. Резкое повышение цен, мизерная зарплата, которая к тому же месяцами не выплачивается, приводят учителя к состоянию безысходности и он приобретает навыки социально-психологического бытия пролетариата: прекращает работу, объявляет забастовки, начинает голодовки, демонстрируя тем самым готовность к самым решительным действиям.

Причина такого поведения учителей понятна: их положение в нашей стране является крайне тяжелым, причем качество их жизни ухудшается более прогрессирующими темпами, чем качество жизни населения страны (рис. 1). Жизнь стала хуже у большинства представителей всех слоев населения, однако среди населения отмечают ухудшение жизни 72%, а среди учителей значительно чаще — 84%. С другой стороны, жизнь учителей в полтора раза реже, чем у населения, не изменилась и в два раза реже улучшилась¹.

¹ Использованы материалы Всероссийского социологического исследования «Учитель в современном обществе», проведенного в феврале-марте 1999 г. Международным университетом (г. Москва).

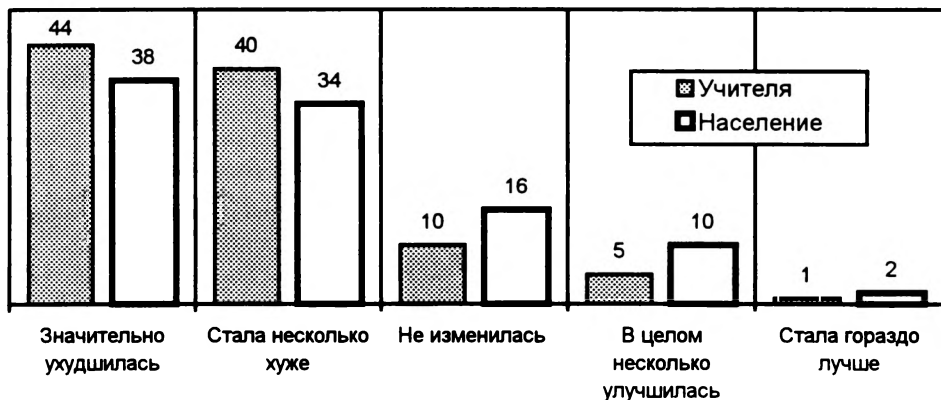

Рис. 1. Изменение жизни за последний год

Ухудшается и социально-психологическое самочувствие учителей, которые значительно реже населения в целом смотрят в будущее с оптимизмом и заметно чаще — с пессимизмом (рис. 2).

Более половины не видят в будущем ничего хорошего. Крайний пессимизм, страх, отчаяние при мысли о грядущих проблемах посещают учителей не реже, и не чаще, чем другие слои населения, однако тревога и неуверенность свойственна учителям в значительно большей степени, чем населению в целом. Несмотря на прогрессирующее ухудшение жизни значительной части учителей все-таки свойственно определенное спокойствие, но оптимизм у учителей встречается реже, чем в других слоях населения.

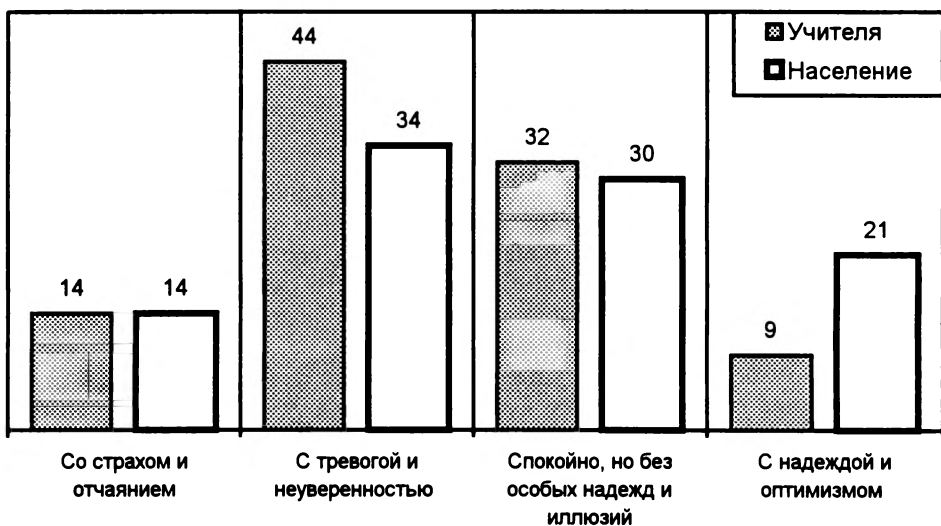

Рис. 2. Оценки своего будущего

Довольно пессимистическому отношению учителей к собственному будущему во многом способствует уровень их материального благосостояния. По сравнению с населением в целом в среде учителей большее количество людей, оценивающих свой достаток как нищенский и низкий. Оценивают свой доход как сред-

ний только 18%, причем это максимальная оценка: высокий уровень доходов или доход выше среднего уровня вообще отсутствуют в оценках учителей (рис. 3).

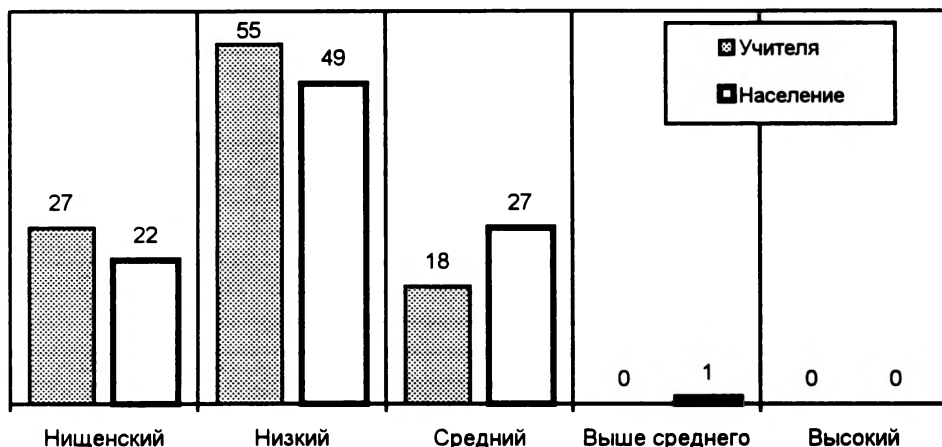

Рис. 3. Оценка собственного дохода

Низкая обеспеченность учителей подтверждается и уровнем доступности для них тех или иных материальных благ. Так, даже позволить себе регулярно питаться, не испытывая при этом никаких материальных затруднений, могут менее половины учителей, тогда как среди населения в целом таких людей оказалось 58%. Качественное питание, хотя и без деликатесов, учителям доступно вдвое реже, чем населению в целом (табл. 1). Возможность свободно покупать какие-либо предметы быта для учительства стала своего рода экзотикой. А о покупке квартиры или автомобиля, дачи или новой мебели, а также отдыха за границей говорить вообще не приходится, все эти блага не являются свободно доступными ни населению, ни учителям.

Т а б л и ц а 1 - а
Совершенно доступные материальные блага, %

Материальные блага	Учителя	Население
Регулярное питание	47	58
Качественное питание, но без деликатесов	12	24
Покупка новой добротной одежды	2	8
Покупка деликатесов	1	5
Покупка модной дорогой одежды	1	2
Покупка изделий из драгоценных металлов	1	2
Посещение ресторанов	1	2
Отдых в санаториях, пансионатах, турбазах	1	3
Покупка бытовых предметов длительного пользования	1	2
Покупка бытовой аппаратуры (магнитофон, видео)	1	3

Учительство живет в режиме постоянной экономии: чаще, чем населению им приходится экономить для того, чтобы нормально или даже просто регулярно питаться, покупать бытовую аппаратуру или предметы длительного пользования. Население хотя и редко, но все же чаще учителей может позволить себе экономя покупать деликатесы, новую мебель, модную дорогую одежду, изделия из драгоценных металлов. Учителя реже, чем население могут, сэкономив, отдохнуть в

санаториях, пансионатах, на турбазах или за границей, посетить ресторан, купить дачу, автомобиль или квартиру.

Т а б л и ц а 1 - б

Доступные, при условии экономии, материальные блага, %

Материальные блага	Учителя	Население
Качественное питание, но без деликатесов	51	43
Покупка новой добротной одежды	48	47
Регулярное питание	46	35
Покупка бытовой аппаратуры (магнитофон, видео)	37	33
Покупка бытовых предметов длительного пользования	34	32
Покупка деликатесов	21	29
Покупка новой мебели	17	19
Отдых в санаториях, пансионатах, турбазах	16	17
Покупка изделий из драгоценных металлов	10	13
Покупка модной дорогой одежды	8	14
Посещение ресторанов	5	8
Отдых за границей	3	5
Покупка автомобиля	3	7
Покупка дачи	2	5
Покупка квартиры	1	3

Учителям чаще, чем населению недоступно большинство материальных благ, особенно деликатесов и модной одежды, и только две вещи учителям доступнее, чем населению — покупка бытовых предметов длительного пользования и бытовой аппаратуры (магнитофон, телевизор, видео), что связано с несколько иной структурой потребностей учительства. Итак, хотя в целом по населению ситуация является критической, однако, она все же значительно лучше, чем в учительской среде.

Т а б л и ц а 1 - в

Недоступные материальные блага, %

Материальные блага	Учителя	Население
Качественное питание, но без деликатесов	36	33
Покупка новой добротной одежды	49	44
Покупка бытовой аппаратуры (магнитофон, видео)	62	64
Покупка бытовых предметов длительного пользования	64	65
Покупка деликатесов	77	65
Отдых в санаториях, пансионатах, турбазах	82	80
Покупка новой мебели	82	79
Покупка изделий из драгоценных металлов	88	84
Покупка модной дорогой одежды	91	83
Посещение ресторанов	93	90
Покупка автомобиля	94	91
Отдых за границей	95	93
Покупка дачи	96	94
Покупка квартиры	97	96

По мнению большинства учителей практически все другие слои и профессиональные группы населения живут лучше, чем они сами. К этим слоям относятся: служащие органов власти, директора заводов, мелкие предприниматели, артисты, высококвалифицированные рабочие. Чуть более половины учителей оценивает свое материальное положение хуже материального положения ученых. В более

плачевном положении находятся, по их мнению, только неквалифицированные рабочие и крестьяне и еще. может быть, военные, хотя в оценке уровня их жизни мнения разделились поровну: 44 % учителей сказали, что офицеры живут лучше, чем учителя и столько же считают, что они живут хуже (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

*Оценки учителями
сравнительного уровня жизни различных социальных групп, %*

Социальные группы	По сравнению с учителями	
	Живут лучше	Живут хуже
Служащие органов власти	98	2
Директора заводов, фабрик	96	3
Мелкие предприниматели	88	7
Артисты	79	11
Высококвалифицированные рабочие	66	24
Ученые	55	33
Офицеры	44	44
Крестьяне	23	71
Неквалифицированные рабочие	22	72

Итак, нищенское существование, пребывание на самых низких ступенях социальной пирамиды — все это говорит о том, что учителя находятся сейчас в крайне бедственном положении. С такой характеристикой своего социального положения согласны почти все учителя, отмечая тяжелое (треть учителей) или бедственное (две трети учителей) положение своего сословия (всего 97%). Что же касается позитивных оценок, то они практически отсутствуют: лишь 2% учителей определяют качество своей жизни как удовлетворительное (рис. 4). И никто не считает положение учительства хорошим.

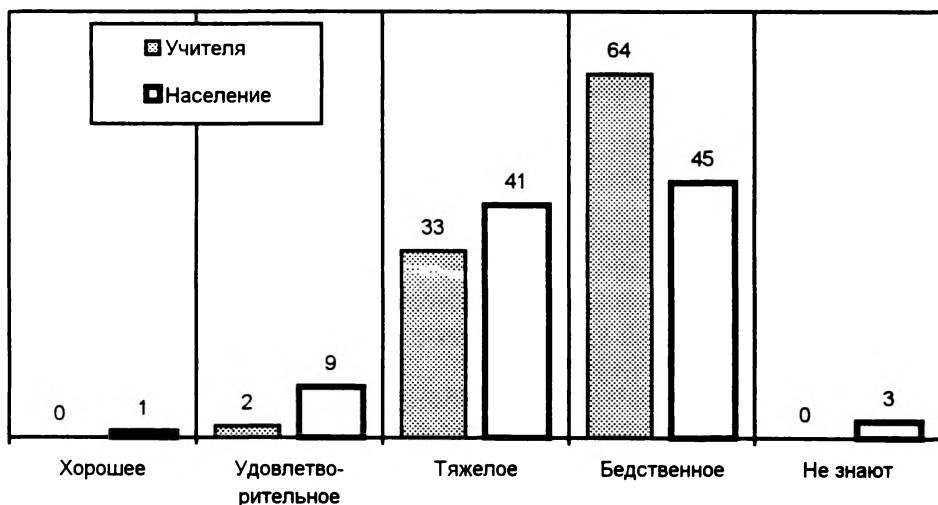

Рис. 4. Оценка положения учительства в стране

Население в целом разделяет эту точку зрения, однако, его оценки являются несколько более оптимистичными и хотя 86% жителей России оценивают положение учителей как тяжелое или бедственное, однако здесь реже говорят о бедст-

венном и чаще — об их удовлетворительном положении. Несмотря на то, что совсем незадолго до проведения исследования средства массовой информации общались о забастовках и голодовках учителей, 3% населения затруднились оценить сегодняшнее положение учительства в России. Понятно, что если государство будет продолжать свою политику в отношении образования в том же направлении, учителя не смогут достаточно серьезно и ответственно относиться к работе, а большинство из них будут вынуждены просто уйти из школы. Результаты некачественной работы учителя мы получим в недалеком будущем в виде девиантного поведения молодежи и всплеска преступности.

Российскому учительству сегодня свойственны пессимизм, неуверенность в завтрашнем дне, хотя некоторый запас терпения все же сохраняется. Если и дальше сохранится тенденция, направленная на ухудшение социально-экономического положения учителей, практическое выдавливание их в низшие слои общества, соответствующие этому материальному уровню, то через некоторое время мы будем свидетелями спровоцированного социального раздражения, а может быть и ярко выраженной агрессии этого слоя, которые непременно отразятся на детях, а через них и на их семьях. Таким образом, все общество в какой-то мере становится заложником положения учителей в обществе, идей и настроений пропагандируемых им.

П.А. СОРОКИН О СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

М.В. Заплаткин

Питирим Александрович Сорокин — крупнейший русский социолог, который внес огромный вклад в мировую социологическую науку. Творчество П. Сорокина очень широко и многогранно. Он углубленно занимался сразу несколькими разделами социологической науки. Уже в 1920 году он издает «Систему социологии», где впервые дается полный и системный курс социологии. Цель написания «Системы социологии» — по словам П. Сорокина, — состоит в разработке наиболее цельного и законченного представления о социологии, определение ее очертаний и строения¹.

П. Сорокин занимается не только методологией социологии, но и углубляется в ряд конкретно-социологических проблем, привлекая для анализа и смежные с социологией науки.

Из основных работ, посвященных отдельным отраслям социологии, следует выделить его книгу — «Социальная и культурная мобильность», в которой рассматриваются понятия социальной стратификации и мобильности. Автор определяет место обеих категорий в структуре общесоциологического знания, а также дает определение социального пространства как социологической категории, непосредственно связанной с первыми двумя. Он говорит об основных параметрах социального пространства — вертикальном и горизонтальном, с помощью которых можно определить местоположение объекта в социальном пространстве².

П. Сорокин дает определение социальной стратификации как «дифференциации некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее ос-

¹ Сорокин П. Система социологии. М., 1993. Т. 1. С. 53.

² Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 300.

нова и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества»¹.

Русский социолог выделяет три наиболее существенных основания для социальной стратификации:

«Экономическая дифференциация, возникающая вследствие неравенства экономического, денежного положения индивида в обществе, которое порождает деление общества на имущих и неимущих; богатых и бедных; политическая дифференциация, являющаяся следствием неравномерности и иерархичности таких параметров, как авторитет, престиж, звания и почести, которые порождают деление общества на управляющих и управляемых; профессиональная дифференциация, определяемая различием престижности занятий, видов деятельности, что выражается в разделении общества на руководителей различного ранга и подчиненных»².

Далее автор вводит понятие социальной мобильности. «Под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую. Существует два основных типа социальной мобильности: горизонтальная и вертикальная»³.

П. Сорокин в основном анализирует вертикальный тип социальной мобильности, т.к. именно он влияет на изменение социального статуса человека; горизонтальный же тип социальной мобильности, как правило, меняет географическое, территориальное местоположение индивида в обществе.

П. Сорокин подробно разбирает возможности смены индивидом своего социального статуса в результате вертикальной социальной мобильности как самостоятельно, так и в составе определенной социальной группы, которая вертикально перемещается по «социальной лестнице» вверх либо вниз. Индивид в таком случае изменяет свое положение вместе с перемещающейся группой. П. Сорокин рассматривает ряд фактов из истории развития некоторых обществ, иллюстрируя ими свои доводы. П. Сорокин характеризует каналы вертикальной социальной мобильности, как-то: армия, церковь, школа, правительственные группы, политические организации, политические партии и прочие социальные институты. Он показывает, как данные социальные институты влияют на каналы вертикальной циркуляции в различных обществах.

В резюме П. Сорокин делает некоторые главные выводы своего исследования:

За исключением периодов анархии и социальных потрясений в любом обществе социальная циркуляция индивидов и их распределение осуществляются не по воле случая, а носят характер необходимости и строго контролируются разнообразными институтами.

Церковь, семья и школа, а также профессиональные организации выступают не только средствами образования и перемещения людей, но и выполняют функции социальной селекции и распределения индивидов внутри социального здания.

Исторически конкретные формы институтов селекции и распределения могут отличаться в разных обществах и в различные периоды, но в том или ином виде они существуют в любом обществе.

Любой человек, приступающий к переустройству общества, должен обращать особое внимание на проблему правильной реорганизации этих институтов, и,

¹Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 302.

² Там же. С. 302.

³ Там же. С. 373.

прежде всего с точки зрения их тестирующих, селекционирующих и распределительных функций¹.

КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ УЧИТЕЛЬСТВА)²

Д.В. Зернов

Говоря о предназначении культуры, учителя, как и население, отмечают, что культура должна возвышать человека, показывая лучшие образцы поведения, лучшие его качества (табл. 1). Отличие мнения учительства состоит только в том, что представители этой социально-профессиональной группы заметно реже дают прикладные и откровенно утилитарные определения этого понятия, стремясь поднять значение этого феномена в жизни общества.

Т а б л и ц а 1
Точки зрения на определение культуры, %

Точки зрения	Учителя	Население
Культура должна возвышать человека, показывая лучшие образцы поведения, лучшие его качества	79	72
Культура соответствует реальностям жизни	13	19
Культура такова, каков спрос на нее	4	8
Не знают	3	0

Данная позиция имеет основополагающее значение в распределение ответов респондентов по поводу образца интеллигента в истории России. Анализ показывает, что формирование взглядов российского учительства на данную проблему подчинено общему клише — определению интеллигента, как человека с высокими интеллектуальными и культурными запросами. Образцом интеллигента, в первую очередь, может служить и служит писатель, поэт, чье имя прочно вошло в анналы русской классической литературы: А.С. Пушкин, А.П. Чехов, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев (табл. 2). Выдающиеся писатели XIX века, создавшие в своих произведениях не только образ, но и нередко идеал интеллигента, сами стали образцами духовных лидеров России. Причем предпочтение учителей фокусируется на Чехове — фигуре подтянутой, суховатой, даже внешне удовлетворяющей образу идеального интеллигента-педагога прошлого века. Среди населения же лидирующие позиции занимает Пушкин, чье имя из области привычного чтения давно переместилась на подсознательный уровень и всплывает в памяти в первую очередь. В одном ряду с Пушкиным, по распределению ответов учителей, нахо-

¹ Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 423-424.

² Статья подготовлена на основе аналитической записки к всероссийскому социологическому исследованию “Учитель в современном российском обществе”, проведенного в феврале – марте 1999 года. Идея проекта и инициатива его реализации принадлежит проф. Асмолову А.Г. Реализация и координация проекта осуществлена сотрудниками Международного университета (Москва). Научный руководитель проекта профессор Овсянников А.А.

дится другой столп русской культуры — Л.Н. Толстой, чья отчасти чрезмерная духовность особо симпатична в условиях духовного кризиса общества, интенсивно муллируемого современной интеллигенцией.

Т а б л и ц а 2

Образец интеллигента в истории России, %

Образец	Учителя	Население	Образец	Учителя	Население
Чехов А.	11	8	Петр I	2	4
Сахаров А.	8	5	Менделеев Д.	2	1
Толстой Л.	8	5	Достоевский Ф.	2	1
Пушкин А.	8	9	Декабристы	1	1
Лихачев Д.	5	1	Жуков Г.	1	—
Тургенев И.	4	—	Капица П.	1	—
Ломоносов М.	4	2	Блок А.	1	1
Столыпин П.	3	3	Суворов А.	1	1
Николай II	3	5	Лермонтов М.	1	2
Ленин В.	3	3	Солженицын А.	1	1

В целом, распределение ответов учителей, по поводу образца интеллигента в истории России, напоминает учебник литературы за 10 класс, с количеством часов отводящихся на каждую конкретную тему. Более низкие позиции, после школьных классиков XIX века, занимают представители послереволюционной классики — Цветаева, Пастернак, Солженицын. Интеллигенты советской эпохи, которые привычно рассматриваются как образцовые представители своего слоя, обычно носят на себе оттенок диссидентства, противостояния официальной идеологической доктрины.

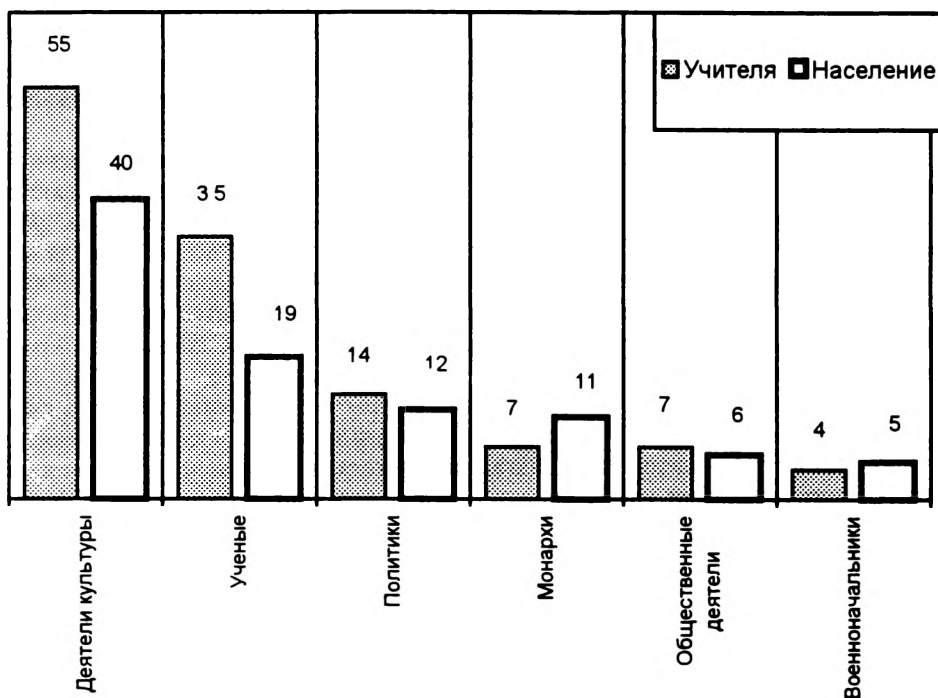

Рис. 1. Сословия, включающие в себя образец интеллигента в истории России, %

Однако стереотип восприятия современного интеллигента достаточно сложно структурирован. Так, важным источником профессиональной гордости учителей было отождествление своей деятельности с главными путями развития человечества. Отголосками этого чувства сегодня является выделение среди важнейших деятелей русской истории людей науки. Ломоносову отдают предпочтение 4% учителей. Из других ученых вспоминают Менделеева, Капицу, педагогов Макаренко и Сухомлинского. Население более прохладно настроено по отношению к интеллигентам-ученым (рис. 1).

Образцами интеллигента-ученого, обладающего устойчивой репутацией профессионала от науки и, одновременно, борца за правду для современного учительства служат А.Д. Сахаров и Д.С. Лихачев.

Ревизия русской истории в период перестройки сделала популярными, в качестве исторических примеров для подражания, политических и экономических реформаторов предреволюционного и более отдаленного периода: П. Столыпина, С. Витте, М. Сперанского. По той же причине 7% учителей под образцом интеллигенции в российской истории видят фигуры русских царей. Среди населения стереотип одухотворения царственных персон еще выше и составляет 11%. Особое место занимает здесь Николай II. Образ царя-великомученика, созданного не так давно, имеет сегодня хорошую поддержку в рамках стереотипа, связанного с представлением об экономическом благополучии прошлого — так называемому золотому веку 1913 года. Это тем более становится понятно, если вспомнить, что издавна русская интеллигенция параллельно мечтам о внутренней свободе, разрабатывает теорию о правителе-интеллигенте. Естественно, что за образец лучше всего взять великомученика, но можно и сильного правителя, правителя-идеолога, способного к созданию новой национальной идеологии всероссийского масштаба (Ленин, Петр I).

В целом пассивная группа учительства смотрит на интеллигенцию и как на общественно активную группу. В истории это могут быть министры, общественные деятели, вплоть до фрейлин, игравших не последнюю роль в дворцовых интригах. Очень небольшое количество учителей берут образцом для подражания национальных героев. В основном это военачальники.

Сложнее ситуация обстоит с выделением образа интеллигента в современной России. Как и в предыдущем случае, лидирующие позиции занимают деятели культуры, особенно в предпочтениях учителей (рис. 2). Однако здесь есть своя специфика. Если, определяя образец интеллигента в истории России, учителя называли писателей XIX века, то в современной русской литературе, подобных творческих глыб учителя не находят. По привычке вспоминается лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын, однако, как и в случае с Сахаровым, учитываются скорее его общественные заслуги, нежели его творчество.

Лидирующие позиции среди деятелей культуры в современной России принадлежат кинематографу. Это закономерно, если учитывать, что культуру в массы сегодня двигает телевидение, а не книга. Как учителя, так и население, в качестве образцов интеллигенции называют актеров и режиссеров полюбившихся фильмов. Никита Михалков, по мнению 9% учителей, вполне способен сыграть роль интеллигента.

Тяга учителей к высокому искусству и эстетической элите выражается в упоминании фамилий М. Ростроповича и М. Плисецкой. В ответах населения эти имена практически не встречаются.

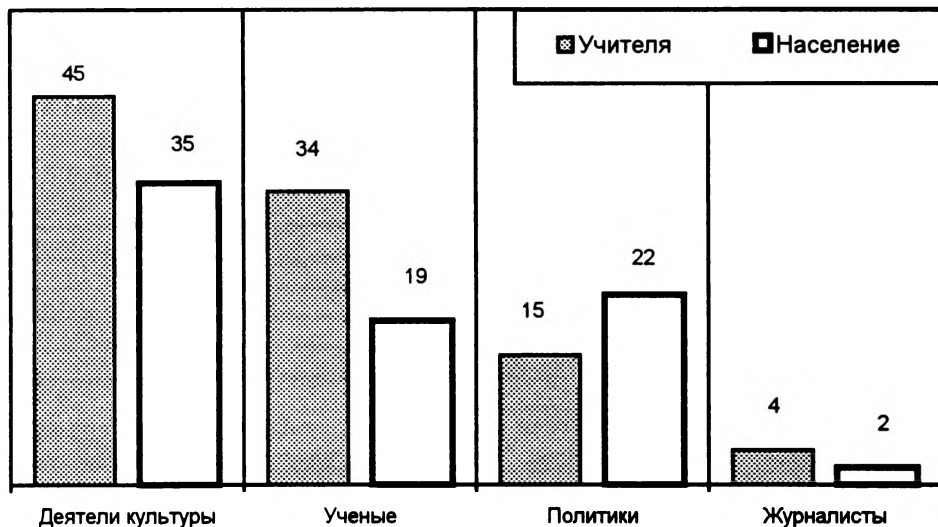

Рис. 2. Мнения учителей и населения об образце интеллигента в современной России

Мнение учителей и населения об значащихся в этом списке политиков-интеллигентов, также представляет немалый интерес. Прежде всего, население в данном случае проявляет повышенную, по сравнению с учителями, активность. Учительство прохладнее настроено по отношению к политическим страстям. Среди любимцев публики оказываются, прежде всего, Е. Примаков и Г. Явлинский. Ответы населения еще более усиливают их позиции. Значатся в высказываниях респондентов и имена наиболее популярных журналистов-политических обозревателей (в основном телевизионных): В. Познера, В. Листьева.

Т а б л и ц а 3
Образец интеллигента в современной России, %

Образец интеллигента	Область деятельности	Учителя	Население
Лихачев Д.	академик	15	9
Сахаров А.	академик, общ. деятель	15	9
Солженицын А.	писатель, общ. деятель	9	7
Михалков Н.	режиссер	8	6
Примаков Е.	политик	4	5
Явлинский Г.	политик	4	4
Ростропович М.	музыкант	4	2
Баталов А.	актер	3	2
Птищецкая М.	актриса	2	—
Познер В.	журналист	2	1

Учительство выстраивает эстетическую систему предпочтений в своих оценках, однако нельзя сказать, что представители этого слоя ведут очень активную культурную жизнь. Понятно, что забота о реальном выживании, о том, как содержать себя и свою семью на мизерную учительскую зарплату не оставляет ни времени, ни желания на значительные усилия по духовному самосовершенствованию. Большинство учителей признались в том, что посещение театров, выставок,

концертов мероприятие для них не столь частое: почти половина из них бывают на культурных мероприятиях один или несколько раз в год, а более трети совсем не помнят, когда были там в последний раз. Однако на фоне культурной пассивности населения, 12% учительства, посещающего театры по несколько раз в месяц, выглядят эстетамы, тонкими ценителями искусства.

Т а б л и ц а 4

Посещение театров, выставок, концертов, %

Частота посещения	Учителя	Население
Более 1 раза в неделю	0	1
Более 1 раза в месяц	12	9
Более 1 раза в год	49	26
Не помнят когда были там в последний раз	38	64

Однако эти краски меркнут, если рассматривать самый доступный вид культурного досуга – чтение. На вопрос: “Часто ли вам удастся читать художественную литературу?” только 56% учителей ответило утвердительно (рис. 3).

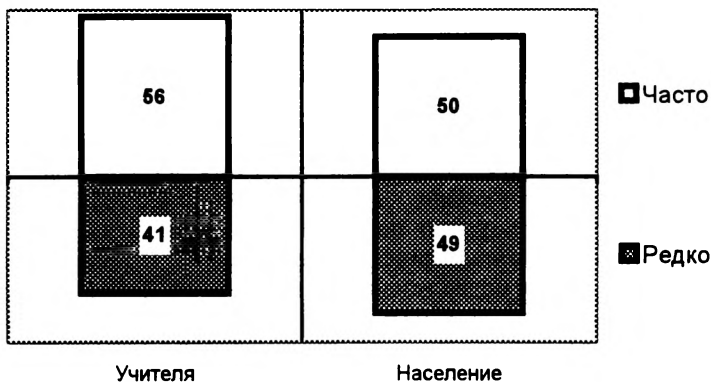

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: “Часто ли Вам удастся читать художественную литературу?”

Называя книгу, которую они читают в данный момент, приблизительно 13% учителей (самая большая доля) вспомнили русских классиков: Достоевского, Пушкина, Толстого и других – книги, вошедшие не только в золотой фонд русской литературы, но и в школьную программу (табл. 5). Еще 6% учителей ответили, что в данный момент читают русскую классическую поэзию. Население более адекватно в своих ответах: только 6% читает русскую классическую литературу (рис. 4).

Большинство представителей учителей и населения читают детективы и женские романы (все-таки большинство учителей женщины). Небольшое количество учителей (8%) в обязательном порядке читает методическую литературу, справочники, медицинскую литературу. Исторические произведения читает 9% учителей и только 3% обращает внимание на современную литературу.

И все-таки, анализируя жанровое распределение книг, которые учителя и население читали в момент проведения опроса, можно сделать вывод, что учительство сегодня все еще остается носителем высокой культуры в нашем обществе, которые рядом с обвалом второсортных изданий уделяют внимание хорошему

чению или, по крайней мере, декларируют хороший вкус.

Т а б л и ц а 5

Книга, которую сейчас читают, %

Наиболее популярные книги	Учителя	Население
Русские детективы	8	9
Методическая, справочная, медицинская литература	7	5
Женские романы	6	7
Исторические сборники	5	2
Иностранные детективы	3	2
Достоевский Ф.	3	—
Пушкин А.	3	2
Булгаков М.	2	1
Дюма А.	1	1
Толстой Л.Н.	1	1

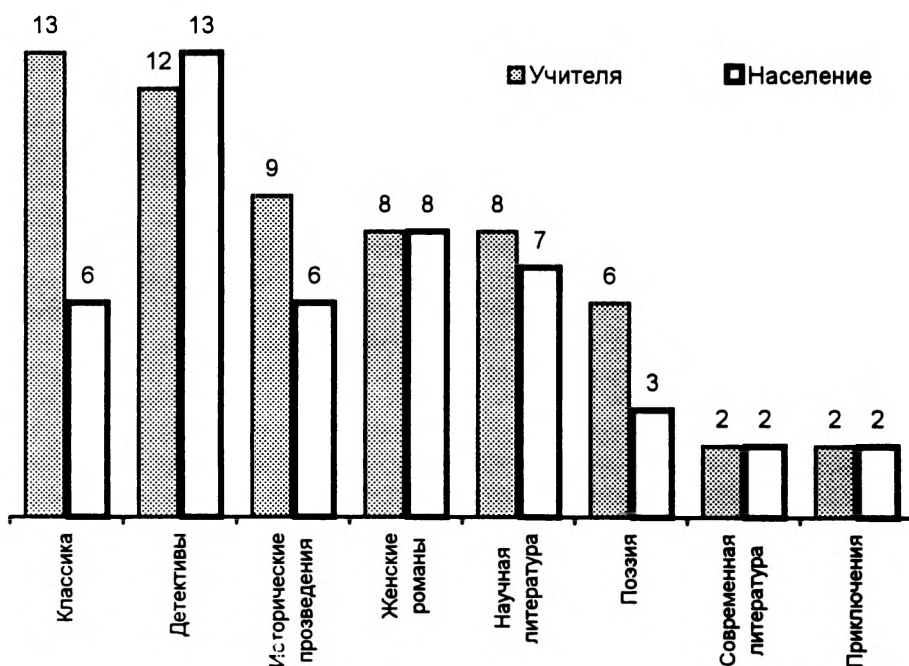

Рис. 4. Жанр круга чтения

Учительство пытается защитить классическую русскую литературу и признает ее важнейшим основанием своей духовной жизни. Классическое наследие еще сохраняет свое влияние в учительской среде, авторитет и устойчивость и далеко не окончательно размыта потоками массовой культуры. А консервативно-охранительные установки в области литературы всегда были одной из важных задач, стоящих перед учителями.

Однако, эта палка о двух концах. Превознесение классики за счет ущемления прав на существование современной литературы может привести к тому, что население попросту перестанет читать, раз или два пробежавшись по страницам книг школьной программы. А ведь, что бы ни говорили, разобраться в окружаю-

щей действительности, не имея представления о современной литературе, тонко реагирующей на изменения в обществе, невозможно. Постольку поскольку существенно изменились не только взгляды на общественные явления, но ценностные ориентации россиян.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В АРМИИ

П. Карпов

Последние 10 лет Россия находится в таком специфическом состоянии, которое, я думаю, можно назвать смутное время. До сих пор меняются ориентиры в развитии страны, ценности и идеалы людей. А в молодежной среде это откликается внешне не объяснимой агрессией, потерей целеустремленности.

Молодежь во все времена была особым социальным слоем. Ей всегда приходилось нелегко в силу ее неустойчивого социально-экономического положения. Сегодня это усугубляется еще и тем, что старшее поколение родилось и выросло в другое время, в других экономических и идеологических условиях. Старшее поколение уже не так мобильно, оно не может подстраиваться под очень быстро меняющееся современное общество, не успевает за молодежью. Молодым людям нужно самим ориентироваться в этом обществе, выработать какие-то правила поведения, оценивать современную жизнь. Молодежь сейчас нуждается в моральной поддержке взрослых.

Не для кого не секрет, что одна из основных проблем мужской части молодежи призывного возраста в современной России — это срочная служба в армии. Российские ВС находятся на историческом изломе. Упал престиж человека в форме, военной службы, роли армии как особого государственного института власти. В самой армии идет эрозия таких извечных ценностей, как Отечество, государственность, честь и гражданское достоинство, верность Конституции и военной присяге.

Одним из сильных дестабилизирующих факторов в ВВ является социальная незащищенность военнослужащих. Экономические проблемы и трудности, характерные для России, являются основными и базисными причинами социальной напряженности в армии. Сейчас многие считают, что воинская служба должна быть уделом профессионалов.

В этой связи серьезной проблемой для общества становится борьба с уклонениями от призыва на воинскую службу. Заметной стала тенденция к падению интереса к службе у проходящих в настоящее время срочную службу. Доминирующим является мнение о том, что служба в ВС представляет собой бесполезную трату времени, неприятную и принудительную повинность, которую следует исполнять лишь в силу возможного уголовного преследования за уклонение от службы.

Военная служба — особый вид государственной службы. Ее особенность состоит в том, что:

- Деятельность военных, выполняющих конституционную обязанность по защите Отечества, нередко связана с риском для жизни.
- Весь воинский уклад, быт и деятельность военнослужащих детально регламентированы, на них возлагается повышенная юридическая ответственность.
- Военнослужащие. В силу особенностей их службы, ограничиваются в гражданских личных, политических и социально-экономических правах.

Именно по этим причинам государство должно установить для военных, наря-

ду с различными моральными стимулами, комплекс стимулов материального характера, проводить целостную государственную политику по обеспечению их социальной защищенности. Система социальной защиты военных РФ нуждается в коренном совершенствовании.

Одной из гарантий такого развития законодательства по социальной защите военнослужащих могло бы стать конституционное закрепление особого статуса военнослужащих. В Конституции должен быть четко «прописан» комплекс прав и свобод военнослужащих. Ныне действующая Конституция РФ, хотя и закрепляет широкий круг прав граждан страны, однако не упоминает о каких-либо особых гарантиях их соблюдения в отношении военнослужащих. К сожалению, в такой сложной сфере общественной жизни, как военная служба. С присущей ей ограниченностью прав и свобод человека, именно военнослужащий в наибольшей степени нуждается в конституционном закреплении гарантий социальной защиты со стороны государства. Конституция должна защищать неприкосновенность военнослужащего как особого должностного лица. Речь идет о социально-экономических, политических и личных правах и свободах военнослужащих, которые не могут быть изменены актами меньшей юридической силы.

Также я считаю важным и нужным введение социальной работы в армии. Вот, на мой взгляд, три основных направления социальной работы в ВС:

1. Реабилитация военнослужащих, вернувшихся из «горячих точек». Многие сейчас говорят, что люди, вернувшиеся из мест боевых действий, психически не уравновешены, почти все получили психологические травмы, ведь воевало много неопытных парней. Они подвержены депрессиям, резким вспышкам гнева, более жестоки. Многие из них становятся алкоголиками и наркоманами, так как не могут иначе снять то эмоциональное напряжение, которое у них накопилось за годы службы в армии.

Им довольно сложно найти работу после демобилизации (если они не служили в спецвойсках), заново адаптироваться к мирной жизни. И именно в этом им и должен помочь социальный работник в армии.

2. Помощь военнослужащим срочной службы и призывникам. Как я уже отметил, многие сейчас не хотят служить в Российских ВС (я говорю о молодежи, пригодной к военной службе и которых уже призвали). И возможно, что беседы с социальным работником в военкомате помогут им не то чтобы смириться с мыслью о службе, потому что смирение, на мой взгляд, предполагает настроение, когда человек просто ничего не может сделать и подчиняется, и, следовательно, не будет толку от такой службы, а принятия и понимания необходимости военной службы. Но при этом государство должно создать все условия для прохождения службы в цивилизованных условиях. И как сторонник службы по контракту я считаю, что когда служба станет делом профессионалов, тогда этот вопрос сам собой отпадет, или, по крайней мере, его будет гораздо проще решить.

На сегодняшний день, парням, которые уже попали в армию, социальный работник в части также необходим. Особенно служащим первого года срочной службы. Ведь это самый тяжелый период: неуставные отношения, значительное подавление самостоятельности, полное подавление независимости. Все это с трудом переносится большинством людей, происходит как бы «поднимание» армией уже почти полностью сформировавшейся личности. Люди нередко ломаются. Более сильные как психологически, так и физически, выдерживают эту ломку, но более слабые могут не выдержать. В армии участились случаи побегов, суицида, убийств. Армия должна быть добровольной.

3. Помощь в социализации увольняющимся военнослужащим. В Российской армии у каждого военнослужащего есть карта. Там отражены его психологиче-

ские данные, сведения о его физическом здоровье, краткая биография и т.д. Но там нет графы для социального работника, так как самих социальных работников в армии нет. В эти графы можно было бы внести характеристики, данные социальным работником, например, о проблемах со сослуживцами, по какому поводу он обращался к социальному работнику, на что этот человек способен (в смысле работы) и т.д. И эту карту, когда военнослужащий увольняется, можно использовать, чтобы помочь ему освоиться в гражданской жизни.

Я считаю, что армейский социальный работник обязательно должен отслужить в ВС РФ. Может, это будет в качестве практики после окончания Вуза (я надеюсь, что военная специализация для студентов — социальных работников все-таки появиться в наших ВУЗах). Ведь гражданскому человеку трудно понять военную жизнь, и знают они о ней только понаслышке. А, отслужив, почувствовав на себе, что это такое — служба в армии, социальный работник мог бы уйти в запас и работать в той же части, но уже как вольнонаемный. Возможно, эта практика будет подобно заключению контракта после окончания военного училища, когда курсант обязан отслужить какое-то время после окончания учебного заведения. Естественно, если профессия социального работника появится в армии, то и на военной кафедре будут преподаваться все специфические предметы (например, права и обязанности военнослужащих и членов их семей, то есть военное законодательство).

Социальная работа в нашей стране — профессия еще мало известная. По этому, до тех пор, пока социальная работа не станет такой же распространенной профессией для нашего общества, как медик или учитель, пока люди не поймут всей ее важности для них самих, вряд ли должность социального работника появится в ВС РФ.

ЯЗЫКОВАЯ И ГРУППОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ. РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ГРУППОВОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Е.Е. Кутявина

Индивиды в своем языковом поведении руководствуются не только соображениями выгоды или удобства. В одних случаях языковая группа-меньшинство довольно быстро усваивает доминирующий язык, и, затем, ассимилируется в языковом отношении¹. Национальный язык не только уходит из речевой практики. Ослабляется и его роль как основы идентификации. За время существования СССР устойчиво снижалась доля нерусского населения, считающего свой язык родным. Так, если еще во время переписи 1959 года 93,7 % коми, 97,7 % марийцев, 97,2 % мордвы называли родным языком национальный, то в 1979 году 80 % — среди коми, 93,7 % среди марийцев, 94,3 % среди мордвы. Только за 10 лет — в период между переписями 1979 и 1989 годов — численность считающих свой национальный язык родным снизилась у карелов с 61,8 % до 51,5 %, коми — с 80,0 % до 74,4 %, марийцев — с 93,7 % до 88,5 %, коми-пермяков — с 87,0 % до 82,9 %, хантов — с 64,4 % до 55,1 %, манси — с 51,9 % до 36,6 %.

Такая ориентация была вполне понятной, ведь в вузах обучение шло главным

¹ Конфликтная этничность и этнические конфликты. / РАН Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Макляя; Редкол.: Дробужева Л.М. (отв. ред.) и др. М., 1994. С. 18.

образом на русском языке, в городах доминировал русский язык¹.

В других случаях группа сохраняет стойкое двуязычие, или демонстрирует негативное отношение к доминирующему языку. У. Вайнрайх замечает, что, с одной стороны, в ситуации контакта языков возникает угроза «чистоте» и самому существованию языка. С другой — именно в такой ситуации люди лучше всего осознают отличительные особенности языка по сравнению с другими, и именно в этой ситуации язык легче всего становится символом единства группы². Язык становится ценностью, вокруг которой осуществляется этническая мобилизация. Как и другие ценности, язык, сознание языкового единства, является нормативным регулятором поведения людей, но актуализируется ситуативно и в большей степени находится под влиянием социальной инженерии, деятельности интеллектуальных элит, политических деятелей. Одни и те же вещи имеют, или могут иметь различный смысл для различных людей. Некоторые смыслы разделяются подавляющим большинством данной общности. Независимо от того, какие ценности и символы являются наиболее популярными — религиозные, политические — главное состоит в том, что индивиды или партии, контролирующие привязку смыслов к символам, могут контролировать мобилизационную эффективность, традиционно связываемую с этими символами. Эффект военной мобилизации и пропаганды эфемерен. Но военные мифы, запечатленные в эпосе, балладах, драмах и гимнах, сохраняют свое воздействие на сознание спустя много лет после самого военного эпизода. Этнические символы и мифы — это те формы, которые каждое поколение застает уже готовыми и которые направляют его активность. Таким образом, этнические ценности и символы, в том числе сознание языкового единства, обеспечивают постоянную «перманентную» мобилизацию группы. Это прекрасно осознается и используется политическими деятелями. Концепция государственной национальной политики РФ³ провозглашает право каждого гражданина определять и указывать свою национальную принадлежность безо всякого принуждения. В новых паспортах, как известно, нет графы «национальность», таким образом, способ «определения и указания» национальной принадлежности оставлен на волю каждого гражданина.

Язык является одним из ключевых символов этничности. Он составляет основу национальной культуры всех народов, хотя иногда, при определенной политической и исторической ситуации, или из-за того, что язык данного этноса является общим для ряда соседствующих групп, он уступает первенство другим элементам культуры. Особую значимость язык, как символ национальной культуры приобретает в тех случаях, когда на нем написаны сакральные тексты. В таком случае происходит слияние религии и языка как национальных символов (например, у армян, грузин, иудеев)⁴. «Варвар», «немец» — эти слова означали не только «иностраница», «чужак», но и «человек, не говорящий на нашем языке».

Язык как ценность занимает одно из ведущих мест среди коллективных представлений народов бывшего СССР. От Белоруссии, где язык находился в явном упадке, Татарстана, в столице которого больше половины татар дома говорил на двух языках, и большинства других автономий России, где не было даже средних

¹ Там же. С. 19.

² Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. // Новое в лингвистике. М.: Наука, 1972. Вып. 6. С. 57.

³ Концепция государственной национальной политики РФ (утверждена указом № 909 Президента 15 июля 1996 года. // Российская газета. 1996. 10. VII (№ 128).

⁴ Ценности и символы национального самосознания в условиях меняющегося общества. / Отв. ред. Л.М. Дробижева, Т.С. Гузенкова: РАН Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1994. С. 34-35.

школ на национальных языках, до Эстонии, где были самые высокие показатели издания литературы на национальном языке — везде значимость сохранения национального языка провозглашалась важнейшей национальной задачей¹.

Статус языка и статус группы воспринимаются как взаимосвязанные. Объем сфер функционирования языка воспринимается как символ доминирующего, или же, наоборот, подчиненного положения этнической группы. Показательно, что с наибольшим успехом задача создания общегосударственного языка решается там, где основой такого языка избирается язык этноса, сравнительно малочисленного, политически и экономически не доминирующего, но однако ставший в силу ряда обстоятельств «лингва франка» на обширной территории. Таков малайский язык как основа индонезийского языка, суахили в Танзании и некоторых других африканских странах. Такие же позиции легко завоевывают креолизирующиеся пиджины в странах Океании. Выдвижение же на роль общегосударственного языка бывшей метрополии воспринимается как продолжающееся угнетение и встречает сопротивление².

Этническая идентичность может быть определена через использование группой людей каких-либо элементов культуры в качестве субъективных символов и эмблем, чтобы отличать себя от других групп³.

Фредерик Барт внедрил в социальные науки, имеющие дело с этничностью, повышенный интерес к проблеме границ. Барт предлагает выделять те элементы культуры, которые значимы для ее носителей и позволяют им заявить о своей отличии от окружающих. Эти компоненты лежат в основе этнической идентичности. Несмотря на взаимодействие между группами, сама граница сохраняется. Ее поддерживают культурные маркеры, которые имеют демонстративные функции. Некоторые черты культуры используются членами этнических групп как символы и эмблемы, другие — игнорируются, резкие различия смягчаются. Маркеры — это небольшая, активная часть культурного багажа. Сами они могут меняться, но неизменным остается сам механизм дихотомизации групп при социальном взаимодействии⁴.

Одним из важнейших маркеров является язык. Язык, с одной стороны, позволяет эффективно распознавать «своих» (в отличие от «чужих»), с другой — продемонстрировать чужакам свою «инаковость» и независимость.

Группа, которая угнетена и изолирована, у которой нет шансов достичь успеха, следуя обычным путем, может образовать «контр-общество», в котором они могут достичь успеха. В альтернативном обществе успех выглядит более возможным, т.к. его члены определяют успех в своих собственных терминах и сами определяют пути его достижения — ценности и нормы контркультуры. Одним из аспектов такого общества является контрязык, который переворачивает обычные правила и соображения приличия. Это язык, созданный для того, чтобы смутить, оскорбить доминирующую группу, противопоставить себя ей и отделить ее от себя. Слова в нем «хороши» потому, что они «плохие» — потому, что употребляющие их знают, что они вызовут отвращение и смущение у тех, кто является приверженцем стандартного языка. Развитие в этнических меньшинствах контрязыка — важный показатель конфликтности отношений. Он устанавливает идентичность оппозиционную по отношению к той, которую предлагает группе соци-

¹ Там же. С. 1-11, 18.

² Арутюнов С.А. Этнические проблемы и язык. // Расы и народы. Ежегодник. — М.: Наука, 1985. С. 52.

³ Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. СПб.: Наука, 1994. С. 16.

⁴ Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. № 3. 1997. С.3-20; 37-40, 79.

альное большинство¹.

Контрязык не есть не-язык, это полная и комплексная модель языка. Но это и не субкультурный диалект. Он не наследуется последующими поколениями от предыдущих, ни для кого он не является материнским языком. Он существует исключительно в контексте ресоциализации и отражает трудности, с которыми сталкивается подросток — афроамериканец, пытаясь вписаться в истеблишмент. Можно сказать, что межпоколенные конфликты имеют нечто общее с этническими. Существенным различием является то, что подросток перестает быть подростком, но цвет его кожи остается прежним, и даже самая совершенная языковая адаптация здесь бессильна. «...что случится, если все черные люди в США проснутся завтра утром говорящими по-английски как Президент Рейган или королева Елизавета II? станут ли их проблемы на устойчивый путь разрешения?»².

Таким образом, язык служит инструментом конструирования межгрупповой границы, как языковой группой-большинством, так и языковым меньшинством.

Языковое большинство использует язык для недопущения чужих в привилегированные социальные сферы и для установления и закрепления своего доминирующего положения.

Для группы-меньшинства язык как ценность, как символ этнической идентичности служит средством этнической консолидации и мобилизации. Языковое единство отождествляется с групповой независимостью, а борьба за статус языка — с борьбой за независимость.

В обоих случаях граница конструируется как изнутри, так и снаружи. Язык, как всякий этнический маркер, и объединяет группу, и отделяет ее от других. Процессы интеграции и дифференциации, консолидации и размежевания идут параллельно. То, что демонстрируется как свое, как принадлежащее группе, одновременно воспринимается как исключительное, а значит — отделяющее.

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ИГРЫ

Н.В. Ларшина

Вопрос: «Какой фактор является определяющим в человеке?», всегда оставался дискуссионным: человек предстал перед исследователями то как *Homo faber*, то как *Homo sapiens* или *Homo ludens*. Вероятно, это не единственные подходы рассмотрения роли труда и ее альтернатив в качестве определяющего фактора в формировании, становлении человека. Наше исследование посвящено одной из этих характеристик, а именно — *Homo ludens*.

Рассматривая культуру как качество способа деятельности, обнаруживаем двоякую возможность мотивации деятельности — целенаправленную и самооценную. Первая рождает труд — в широком смысле этого слова, подразумевающим любые действия, преследующие некую внешнюю для них цель (здесь мы можем сказать не только о труде рабочего, но и о труде ученого, педагога и т.д.); вторая рождает игру, в столь же широком смысле слова, предполагающем не только специализированные игры (детские, спортивные, карточные), но и возможность превращения любой деятельности в игру, когда ее целью становится сам процесс, а не его результат. В этом смысле Ф. Шиллер утверждал, что «человек прекрасен,

¹ Yinger J.M. *Ethnicity: source of strength? Source of conflict?* N.Y. Routledge, 1994. С. 309-311.

² Там же. С. 309.

когда он играет»¹. Й. Хейзинга называл человека *Homo ludens* — «человеком играющим», а К. Маркс говорил о превращении труда в «игру физических и интеллектуальных сил человека»². Игру называют феноменом культуры, и это не случайно. Игра человека по своей сути отличается от игр животного, поскольку является не инстинктивным биологическим регулятором поведения, а свободно избираемым и свободно осуществляемым типом деятельности, бескорыстным и утверждающим человеческие способности и умения как таковые³. Игра может проявляться не только в частных, конкретных видах игры — ролевой игры ребенка, спортивной игры, деловой игры, — а в любой человеческой деятельности в форме игрового потенциала, который присутствует в латентном виде в труде, но может стать определяющим, превращая труд в игру, т.е. делая его, по мнению Д. Узнадзе, самоценной, свободной деятельностью человека⁴. Но возможно не только превращение труда в игру, но и обратная метаморфоза — превращение игры в труд: это происходит тогда, когда игра становится профессиональным занятием игрока, служащим средством достижения внешней для процесса деятельности цели: заработка, завоевания почетных званий, социального престижа. Мы можем заметить, что отсутствие абсолютной противоположности между игрой и трудом делает возможными различные формы их соединения, придающего «амбивалентный характер данным гибридам — скажем, учебной игре, деловой игре»⁵. М.С. Каган просит нас обратить внимание на наполнение этого пространства культуры, которое лежит между трудом и игрой, ибо его заполняет своеобразная форма деятельности, не являющаяся ни трудом, ни игрой, хотя в одних отношениях она аналогична игре, а в других родственна труду: речь идет о том, что обычно именуется ритуалом, символическим поведением⁶. И здесь следует сказать несколько слов о символическом интеракционизме.

Предшественником символического интеракционизма Чарльзом Кули была введена концепция зеркального «Я», где он отмечал, что в наших представлениях о самих себе огромную роль играет то, как нас видят другие. Мы смотримся в представления других о нас самих, как в зеркало, и судим о самих себе по этому отражению. Подобный вид межиндивидуального взаимодействия Дж. Г. Мид называл «принятием роли другого»; результатом данного взаимодействия являлось принятие индивидом установок других людей по отношению к себе и формирование из частных установок установки «обобщенного другого»⁷. Особенно важную роль такой процесс играет в раннем развитии ребенка, когда через воспитание, игру он усваивает социальные роли, осваивает социально значимые нормы, ценностные предпочтения, ожидания, учится понимать жесты других. В этом смысле воспитательное значение игры трудно переоценить. Мы можем сделать вывод, что не пройдя социализацию, ребенок не только не становится «нормальным человеком», но и биологически нежизнеспособен: «маугли» погибают, даже если их кормить и поить.

Нидерландский философ и культуролог Й. Хейзинга, автор фундаментальной работы «*HOMO LUDENS*» (Человек играющий), писал: «Мне представляется, что *Homo ludens*, выражает такую же существенную функцию, как человек создаю-

¹ Каган М.С. Философия культуры. С.-Петербург, 1996. С. 188.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Ионин Л.Г. Возникновение символического интеракционизма. — в кн. История теоретической социологии в 4-х томах. Т.3. М., «Канон». 1998. С. 278.

щий, и должен занять свое место рядом с *Homo faber*»¹. Он впервые развивает и выносит на суд зрителей идею игры как формирующего элемента всей культуры. «Культура зачинается не как игра и не из игры, а в игре»². Следует указать и на мнение критиков, которые отмечают, что Й. Хейзинга не дает нам окончательного ответа на вопрос, является ли игра одним из факторов культуры или вся культура есть бесконечно развившийся и усложнившийся принцип игрового начала. Встретив основные идеи нидерландского философа с восторгом, Л. Мамфорд акцентирует свое внимание на том, что «игра скорее, нежели труд, была формирующим элементом человеческой культуры», что человек «задолго до того, как он достиг мощи, чтобы изменить окружающую среду, создал в миниатюре свое окружение... в виде символической области, сферы игры»³.

Г. Тавризян отмечает, что Й. Хейзинга не предлагает теории игры, это — «морфология социальной игры... В основе произведения — ... игра как онтологический статус существования людей»⁴. Игра, не будучи «обыденной» жизнью, лежит за рамками процесса удовлетворения нужд и страстей и в качестве этого она «украшает жизнь, дополняет ее и вследствие этого является необходимой. Игра удовлетворяет идеалы коммуникации и общежития»⁵. «Мы играем, и мы знаем, что мы играем, значит, мы более, чем просто разумные существа, ибо игра есть занятие внеразумное»⁶.

Получается, человек, осознавая игровой элемент своей жизни, вырывается из оков образа и подобия *Homo sapiens*. И этому мы находим подтверждение у Й. Хейзинга: «В игре самой по себе, хотя она и есть продукт деятельности духа, не заключено никакой моральной функции — ни добродетели, ни греха»⁷.

Какие характеристики игры можно выделить? Всякую игру Й. Хейзинга называет свободной деятельностью. «Игра не диктуется физической необходимостью, тем более моральной обязанностью, — она свободна, она есть свобода»⁸. Мы открываем для себя, что игра «творит порядок, она есть порядок». Игра издревле заполняла жизнь как общественный импульс, более старый, чем сама культура. Формирование языка человеческого, музыка, танец, право базировались на игровых формах. Культура происходит из игры, «как живой плод, который отделяется от материнского тела. — пишет автор, — она развивается в игре и как игра». Само собой напрашивается вывод, что игра охватывает все составляющие жизни человека, она объемлет их, они в сфере игры. Игра, по мнению Й. Хейзинги, и есть та самая «врожденная функция» человеческой природы, благодаря которой человек постоянно «стремится ввысь, неважно, будет ли эта высь земной славой и превосходством или победой над всем земным»⁹, поэтому сущность игры, по мнению Й. Хейзинги, выражается в термине «играют на интерес», т.е. в смысле отсутствия прагматических установок. Удача приносит игроку удовлетворение. Это удовлетворение может быть и у игрока в пасьянс, и у ученого, и у коммерсанта, причем

¹ Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М., «Прогресс — Академия». 1992. С. 7.

² Там же. С. 92.

³ Тавризян Г.М. Кредо историка. - в кн. Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 433.

⁴ Там же. С. 436.

⁵ Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М., «Прогресс — Академия». 1992. С. 19.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Там же. С. 92.

соображения пользы здесь целиком оттесняются на задний план и «вознаграждение лежит вне игровой сферы... Ради вознаграждения не играют, ради него трудятся»¹. Итак, игра содержит свою цель в самой себе. Ее дух и ее атмосфера — радостное воодушевление, игра пронизана ритмом и гармонией.

Концепция «культуры-игры» конструирует своего рода образную модель культуры, базирующуюся на гуманистических ценностях. Работа Й. Хейзинги «Человек играющий» не является строго научной концепцией. И идея «культуры-игры», по мнению критиков, обладает свойствами плодотворного научного мифа, позволяющего глубже понять специфику современных духовных процессов, происходящих в обществе.

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ. РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ

М.С. Макарычев

Русская философия — особое явление в культурной жизни России. Известно, с каким скептицизмом относятся многие западные философы к возможности для России иметь свою особую, русскую идею, на основе которой смогла бы она сформироваться. Во многом определить русскую философию можно как явление, опирающееся прежде всего на традицию.

В определенном смысле эта тенденция воплотилась в такой способности русской философии, как всемирная отзывчивость. Этот термин употребляет впервые Достоевский, характеризуя творчество Пушкина. Поэт пишет так, как если бы он на самом деле был бы «англичанин, мусульманин или гражданин древнего мира». Именно поэтому мы называем Пушкина великим русским поэтом, что он нашел возможность высокохудожественно выразить главную черту русского менталитета, направление инстинктов и потребностей русского духа в определенный исторический момент.

Исторически, эту черту русский народ приобрел в основном после петровских реформ и выхода России в Европу. П.А. Флоренский писал, что русский все идеи искренне воспринимает как свои. Вследствие своей мифологичности, магичности, оккультности, одно из определений русского характера — символизм. «Символы реальности непрерывно и искривленно многообразно жизненных отношений: они по существу соборны. Такие символы, происходя от меня, — не мои, а человечества, объективно-сущие»². Здесь нет места «know-how» Считая, что в отношении России к Европе было много недоразумений, Флоренский петровские реформы назвал «закисанием России дрожжами нового времени», «новым духовным сдвигом долу»³.

Способность к всемирной отзывчивости трансформировалась со временем, став центральной идеей русской философии. У Вл. Соловьева это — **категория**, имеющая характер интуитивно-символического указания на **некий специфический** способ или строй бытия, который никогда не удастся раскрыть до конца в понятиях, это соединение мистического, рационального и эмпирического знания. Н.А. Бердяев уже резюмирует эту тенденцию русской философии: «Накопившаяся в глубине мистика должна выйти на поверхность истории, стать творческой

¹ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., «Прогресс — Академия». 1992. С. 66.

² Флоренский П.А. У водоразделов мысли М., 1990. С. 343.

³ Флоренский П.А. Сочинения в 4 томах. Т. 2. М., 1996. С. 490.

силой»¹. У Флоренского эта идея принимает форму «конкретной метафизики» (символизма). Русская культура аккумулирует накопленное другими цивилизациями. Русская иконопись — философствование кистью — отразила в себе чаяния, стремления, глубинные интуиции других народов. Формы церковного творчества являются «исконными формами всего человечества. Мы узнаем в них по частям и разрознено открытое древними культурами — черты Зевса во Христе Вседержителе, Афины и Изиды в Богородице и т.д.»².

Вместе с тем «культура — это та веревка, которую можно бросить утопающему и которой можно удушить своего соседа»³. Удушением занимается современная возрожденская культура, среди продуктов самоотравления которой гибнет человечество.

В этих условиях Россия — хранительница идеала соборности, цельности. Ее Флоренский находит в русской культуре: «Возьмите народную жизнь ... тут и польза, и добро, и святыня, и слезная красота»⁴.

Вполне естественно, что традиция свойственна и самой русской философии. Недаром эта тема обсуждалась практически всеми ее представителями; широко эта тема раскрыта в творчестве Флоренского.

«Пишу тебе по следующему поводу — с просьбой написать ... о доме твоего отца и его обитателях, о папе, обо мне и других детях, и, главное, конечно, о самой себе ...»⁵. «Не любопытство говорит во мне, когда расспрашиваю я вас и когда хочется запечатлеть каждую малейшую черточку прошлого, столь для меня утерянного. Нет.— это чувство ответственности пред будущим, исполнение долга и почтение к прошлому, исполнение заповеди о почитании предков...»⁶.

Флоренский приходит к идее вовлеченности личности в общеродовой процесс, идее личности как носителю духовного генотипа рода, духовной его энергии. Поэтому ясно то внимание, которое обращал ученый на развитие заглохшей отрасли истории — генеалогии. Важность этой науки заключается, по мнению Флоренского в том, что она может помочь выяснить условия развития рода и дать рецепт его выживания, выяснить причины гибели отдельных родов и отдельных народов. Известно, что Флоренский наиболее активно интересовался генеалогическими проблемами на своем последнем, «соловецком» этапе жизни; на своем примере испытав степень нравственной деградации общества, он лихорадочно стал искать причины этого явления и пути выхода из этого кризиса; об этом свидетельствует отчаянный тон его Соловецких писем к своим родственникам и детям.

С трепетного отношения к своим фамильным предкам начинается традиционность русской философии. Истоки такого отношения к памяти предков коренятся в символистическом мировоззрении русских философов; одна из интуиций русской философии — в гносеологической актуальности мифа, в его познавательном значении. Развиваясь как критика кантианства, символизм всеединства отрицал рассмотрение процесса познания как оправдание готовых выводов и обоснования предрешенных предпосылок, противопоставляя мертвому блужданию по заданному маршруту чистого разума свободный принцип «логицизма» в символическом смысле — как единство познающего и постигаемого Миф для русского человека — наиболее привлекательный способ описания, объяснения и подчинения действительности: древний жанр русской народной литературы — сказки — вы-

¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 211.

² Флоренский П.А. Сочинения в 4 томах. Т. 1. М., 1996. С. 461.

³ Флоренский П.А. Сочинения в 4 томах. Т. 2. М., 1996. С. 200.

⁴ Флоренский П.А. Оправдание космоса. СПб., 1994. С. 33.

⁵ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990. С. 10.

⁶ Там же. С. 11.

росли из мифологии. Потребность простого и синкретичного объяснения мира в литературной форме — одна из особенностей русского характера; эту черту заметили и развили русские символисты, предложившие вместо мифологически-сказочного мифологически-поэтический метод, в основе которого лежит миф о потерянном и обретаемом рае. Следует отметить, что с самого начала формирования русской философии конца 19 века идеи христианские смешивались с мистицизмом, с идеями философии оккультной направленности. Мистические течения 18 века оказали большое влияние, например, на Герцена: человек — бывший ангел — томится на земле, познавая «изящное вселенной», стремясь воссоединиться с Богом, восстановив тем самым «первозданное бытие».

В той или иной степени эта мифологема оказала влияние на многих русских ученых. Поиск цельного бытия как совокупности объектов познания — Бога в Абсолюте — привела русскую философию к идее всеединства. В «конкретной метафизике» Флоренского символистический поиск приводит к идее Пан-символа как Абсолюта познания, гносеологической ипостаси Бога. Вместе с тем эта идея в области онтологической превращается в концепцию «жизнестроительства», «жизнетворчества». Человек строит свою собственную жизнь с позиций символизма как свою собственную мифологему, относясь к этому процессу как к части Космического процесса обретения утерянного Рая; человеческая судьба вливается в стремительный и величественный поток Космического Разума, в совокупности с ним участвуя в мистическом образовании Пан-символа.

Истоки своей русской философия берет в учении Платона — недаром и Соловьев, и Флоренский были платонистами. Флоренский называл Платона «христианином до Христа»; он признавал, что в основе его мировоззрения лежало платоновское разделение мира на область материальную и идеальную. Очевидно, именно в учении Платона наиболее удачно сочетаются тенденции христианские и мистические; именно поэтому столь много внимания уделяет анализу «общечеловеческих корней идеализма» Флоренский и Соловьев. Особенно импонирует символистам обилие мифологических тенденций в творчестве древнегреческого философа. Мир — недостоверен, противоречив в самых основных своих чертах, смертен, наконец. Попытка преодолеть пессимизм дольного бытия и есть символистическая попытка создания собственной мифологемы, на которой базируется традиционность русской философии.

Основная идея русской философии — всеединство — есть отражение черты русского народа к всеприятию, его «женского» (по выражению Бердяева) умения собирать и хранить, а не завоевывать либо терять. Страх выбросить то, что еще вдруг пригодится, то, что еще, быть может, до конца не познано и что может еще раскрыться какой-то новой стороной, — приводит к соборности как принципу жизнестроительства. Трансформировавшись, эта черта превратилась во всеединство как умение и пользоваться всем сразу. Таким образом, всеединство как основная черта русской философии берет свое начало в глубинах русского характера; эту черту заметили, осознали и развили в своем творчестве русские философы. О народности русской философии свидетельствует и ее метод, ее форма — жанр публицистики как вид философской литературы, наиболее приближенный к народу. «Искусство есть гениальное познание. Гениальное познание расширяет его формы. В символизме, как методе, сочетающем вечное с его пространственными и временными проявлениями, встречаемся с познанием Платоновых идей. Искусство должно выражать идеи. Всякое искусство по существу символично. Всякое символическое познание идейно»¹.

¹ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 246.

Мифологема русской философии есть мифологема жертвы. По словам К.Г. Юсупова — «мифологема «жертвы» возведена в ранг «основного мифа» — и тогда мир отношений людей превращается в мистерию»¹. В давней традиции следует искать ответы на современные вопросы. Флоренский считает, что кантовская философия и рационализм вообще прервали традицию цельного понимания бытия — «идеал цельного знания, столь ясно начертанный Платоном, перестал вести науку ...»². Он предлагает вернуться к корням, общечеловеческим корням идеализма, предлагает взглянуться в душу народную — «тут и польза, и добро, и святость, и слезная красота». «Знание крестьянина — цельное, органически слитное, нужное ему знание, выросшее из души его; интеллигентное же знание — раздробленно, по большей части органически вовсе не нужно ему, внешне взято им на себя. Он, как навьюченный скот, несет бремя своего знания»³. По мнению философа, русскому народу свойственно интуитивное умение видеть в обычных предметах быта потустороннюю, ноуменальную их сущность, то есть в русском характере изначально присутствует черта к платонизму. Русская сказочная мифология породила множество символических образов, которые Флоренский сравнивает с кантовскими «предельными понятиями», «вещами в себе». «Однако эти *Grenzbegriffe* необходимо разлагаются, лишь только мы начинаем анализировать их. Неведомое нисколько не томит среднего крестьянина, да, может быть, эта уравновешенность более мудра, нежели страдальческая пытливость и фаустовские порывы»⁴.

Преемственность, традиционность русской философии заключается еще и в космологичности большинства ее построений. По Соловьеву, человек есть связующее звено между миром феноменов и миром ноуменов, он как конечное существо коренится каждый в своем роде, которые существуют тоже в ограниченный временной промежуток и в совокупности своих идеальных сущностей образуют человека идеального. Так находится место и роль человека в космической схеме сущего — завершающее, высшее звено цепи мирового процесса.

У остальных представителей русской философии основная космологическая идея — понятие космоса как полноты всего сущего, в которой человеку надо найти свой путь, свое место. У Флоренского это — идея Космоса — символа как совокупности всех символов, у Булгакова — полнота сотворенных богом сил, у Бердяева — положительная полнота бытия.

Одна из глубинных интуиций символизма — концепция слова-Логоса. «Познание формально-логическое, описав круг, в своем развитии дало свободу символизму. ... Вслед за кризисом мысли искусство неизбежно должно было выступить на смену философии, как руководящий маяк человечества»⁵. Умение найти точный и объемный символ части постигаемой реальности объявлялось высшим актом гносеологической способности человека. Поэты-символисты, подхватив идею Ренэ Гиля, выдвигали тезис «научности» поэзии. «Мы живем в мире телеграфов, телефонов, биржи, театров, ученых заседаний, океанских стимеров, поездов-молний. — цитирует его Валерий Брюсов, — а поэты продолжают оперировать с образами, нам совершенно чуждыми, сохранившимися только в стихах, превращающими мир поэзии в мир неживой, условный»⁶. Идея заключалась в том, что «поэзия есть верховный акт мысли», в отличие от науки, дающей мерт-

¹ Флоренский П.А. Оправдание космоса. СПб., 1994. С. 13.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же С. 41.

⁵ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 246.

⁶ Брюсов В. Сила русского глагола. М., 1973. С. 138.

вую схему, постигающая действительность как совокупность живых объектов. Поэтому поэзия должна сотрудничать с наукой, дополнять ее. Это — практическое решение русскими символистами проблемы синтеза знания, о котором мечтали многие сторонники метафизики всеединства; впервые эту задачу как конкретную философскую поставил Соловьев, о том же писал Флоренский и Бердяев, — как объединить науку, религию и искусство.

Таким образом, русская философия представляет собой сложное образование русской культуры, отражающее в себе основные черты и стремления русской нации к всеединству, цельности мировоззрения; особенности русской философии определяются как издавна присущими русскому народу чертами, так и благоприобретенными в силу исторических обстоятельств. Русская философия, зачастую синкретически, вбирала в себя основные положения западной философии и является в основном ее преемницей, но вышеуказанные особенности заставляют говорить о ее своеобразии и самобытности.

КОНСТИТУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИРА

А. В. Шкурко

Вопрос о том, как происходит конституирование интересубъективного (социального) мира, является центральным прежде всего для субъективистской социологии, то есть социологии, которая в качестве единственной социальной реальности признает индивидуальную человеческую субъективность.

Естественным образом в этом процессе выделяются три составляющие: субъект (что конституирует), объект (что конституируется) и сам акт, способ конституирования. Разумеется, необходимо учитывать, что это разделение является не более чем теоретической идеализацией, ибо в реальной активности сознания все три элемента слиты воедино. Тем не менее, имея в виду эту условность, рассмотрим каждый из компонентов интенционально-конститутивной триады.

Решая проблему источника конституирования окружающего мира, основатель современной феноменологии Э. Гуссерль пришел к выводу о существовании так называемого трансцендентального субъекта.

По сути, трансцендентальный субъект представляет собой априорные структуры, способности, качества, независимые от конкретных людей, от конкретных «Я», которые Гуссерль называет «эмпирическими». Наоборот, именно это «эмпирическое Я» — конкретная личность — является лишь проявлением существующего изначально трансцендентального субъекта. Причем, если первоначально Гуссерль рассматривал трансцендентальный субъект в связи со своим собственным Я, собственным трансцендентальным Ego, то в дальнейшем основной акцент в его размышлениях сместился на его интересубъективную природу.

Эти априорные структуры, трансцендентальный субъект (интерсубъект?!), собственно, и конституируют весь эмпирический мир (в том числе и наши конкретные «Я») и определяют функции и способности человеческого сознания. К ним относятся и априорные структуры (эмпирической) интересубъективности, определяющие способы межчеловеческого взаимодействия и общения, и априорные структуры познания, которое становится важнейшей категорией феноменологии (ибо само сознание, будучи интенциональной структурой, превращается в поток сознания, то есть, по сути, в познание), и которое, по признанию как феноменологов, так и критиков, составляет основу межчеловеческого взаимодействия, эмпирической интересубъективности и всей социальности. И сущность познания, равно

как и прочих человеческих и межчеловеческих активностей определена априорно, абстрактным трансцендентальным субъектом. Для социологии такая позиция фактически означает провозглашение трансценденталистского детерминизма в сфере социального, подчинение всех социальных явлений (не конкретных действий, поведения индивида и т.п. а принципов социальной организации, типизации социального мира, коммуникации, институционализации и т.д.) безличным внечеловеческим структурам.

Разумеется, для субъективистской социологии такой вывод совершенно неприемлем, ибо он исключает из рассмотрения собственно человеческую личность. Каждый отдельный человек оказывается у Гуссерля лишь проявлением, воплощением трансцендентального субъекта, и разница между людьми, таким образом, ситуативно обусловлена и несущественна. При этом получается (по Гуссерлю), что первоначальные «разделенные монады» конституируют трансцендентальный субъект, который, в свою очередь, конституирует конкретные эмпирические «Я», «личности». Здесь заключается противоречие, которое может быть разрешено только при признании того, что первоначальные монады не только трансцендентальны, но и эмпиричны. Однако после такого признания становится бессмысленным введение самого понятия трансцендентального субъекта, ибо он (трансцендентальный субъект) уже не выполняет никакой функции (монады, которые одновременно и изначально трансцендентальны и эмпиричны, не нуждаются в дополнительных сущностях для завершения своего конституирования, которое может осуществляться в непосредственном взаимодействии (трансцендентально-эмпирических) субъектов; хотя вместе с тем остаются неясны истоки самих подобных субъектов), и обрести ее он теперь может, только если опять будет перемещен в до-конститутивную область, в которой нет еще никаких отдельных, эмпирических либо трансцендентальных, монад.

Трансценденталистского детерминизма можно избежать, если в качестве трансцендентального субъекта признать не единый и изначально существующий аналог гегелевского Абсолютного Духа, а некие самые общие принципы и свойства, проявляющиеся у изначально разных субъектов. Такие априорные структуры, присущие разуму как особой реальности, уже не будут диктовать свою волю субъекту — монаде, наоборот, последний будет использовать их для достижения своих собственных целей.

Итак, трансцендентальный субъект как отражение всеобщего существует в виде достаточно размытых и неопределенных принципов человеческой экзистенции, которые, наряду с другими трансценденциями (материальными, витальными) обуславливают (то есть — ограничивают условиями), но не детерминируют сущность индивидуально-личностных социальных процессов и явлений (каковая детерминация может появиться лишь в соединении этих внечеловеческих трансценденций с непосредственно целеполагающим эмпирически — трансцендентальным субъектом).

Другая сторона вопроса о субъекте конституирования связана с так называемым «биографическим детерминизмом» А. Шюца. Впрочем, говорить именно о детерминизме в данном случае вряд ли уместно; речь, скорее, идет опять-таки об обусловленности действий человека его биографической ситуацией. Шюц пишет: «Человек в любой момент своей повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, то есть в определенной им самим физической и социокультурной среде... Сказать, что определение ситуации биографически детерминировано, значит сказать, что оно имеет свою историю. Это отложение всего предшествующего опыта, систематизированного в привычных формах наличного запаса знаний. Как таковое оно уникально, дано этому человеку и никому

другому. Биографически детерминированная ситуация предполагает определенные возможности будущей практической или теоретической деятельности»¹. Как можно видеть, здесь говорится даже не о биографической детерминированности поведения человека, а о детерминированности ситуации, в которой он находится. Понятно, что любая наличная ситуация предполагает совершенно определенное прошлое, которое уникально для каждого индивида (отсюда вывод: для любого конкретного настоящего, наличной «здесь-и-сейчас» ситуации соответствующее прошлое становится необходимостью). Однако это положение можно интерпретировать совсем по иному, экстраполировав биографическую детерминированность ситуации на действия человека в этой ситуации. И это в корне меняет смысл концепции.

Теперь оказывается, что действие человека подчиняется прошлому опыту, оно подчиняется тем действиям, которые он совершал ранее в схожих ситуациях и которые оказались успешными (здесь возникают совершенно определенные реминисценции с теорией обмена, бихевиоризмом и т. д.). Причем, как это ни странно, достаточно призрачные намеки на такого рода точку зрения можно найти... у самого Шюца! Его логика такова: прежде чем совершить действие, человек должен определить ситуацию, в которой предполагается действовать. Определение же ситуации в большинстве случаев биографически детерминировано, зависит от актуального запаса знаний, который есть не что иное, как осаднение всех наших прошлых опытов определения предыдущих ситуаций. «В свете нашего предыдущего знания ситуация, требующая определения, может появиться как типически похожая, типически подобная определенной ранее... Если элементов нашего запаса знаний, имеющихся в нашем распоряжении, достаточно для определения ситуации... то определение происходит естественным порядком в форме несомненно данного»². Соответственно, действие будет производиться «автоматически», то есть, можно говорить о биографическом детерминизме. «Биографическое положение детерминирует спонтанное определение ситуации в навязанных онтологических рамках»³.

Но из абсолютизации такого понимания биографического детерминизма с неизбежностью вытекает вывод о невозможности существования одного из двух выделенных Шюцем типов мотивов, а именно — мотива «для-того-чтобы», который отражает ориентированность действия на цель; остается лишь мотив «потому-что», связанный с причиной действия. Но если бы Шюц так считал, то зачем бы ему вообще говорить о мотиве «для-того-чтобы»?!

Человек всегда находится в ситуации, которая стала необходимой только после ее осуществления; он действует самостоятельно (ситуация, то есть — опыт, может лишь подтолкнуть его к совершению того или иного действия, но не определить), образуя таким образом новую ситуацию, которая, в свою очередь, становится необходимой. То есть, можно сказать, что человек создает необходимость.

Итак, как можно видеть, человеческой субъективности вовсе не обязательно быть «биографически» или «трансцендентально» детерминированной, чтобы осуществлять конституирующую деятельность.

Что касается механизмов конституирования, «используемых» сознанием, то достаточно подробно их описал В.У. Бабушкин в своем исследовании «Феноменологическая философия науки»⁴. Отметим лишь важнейшие черты этой челове-

¹ Шюц А. Структура повседневного мышления // СОЦИС, 1988. № 2. С. 130.

² Schutz A. Some Structures of the Life-World, in: Phenomenology and Sociology, ed. by T. Luckmann, Penguin Books, Kingsport. 1978. P. 264, 265.

³ Ibid. P. 263.

⁴ Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки. М.: Наука, 1985. С. 41-50.

ческой способности.

Прежде всего, «конституирование» предмета ни в коем случае не означает «создание» предмета как такового (что иногда подразумевается критиками). Нет, конституирование — это возникновение и оформление предмета в сознании, происходящее при условии корреляции между «реальными» предметами и соответствующими формами интенциональности (ведь предметность дана нам только в модусах сознания). В более осторожной интерпретации Карена Свасьяна «конституирование творит мир лишь в том смысле, что осмысляет способы оформления феноменов в сознании... Конституирование есть... самообнаружение предметности в сознании»¹.

Конституирование может быть формальным и регионально-материальным. В первом участвуют те акты сознания, которые значимы для всего сущего как такового, второе же относится к определенной области бытия.

Основные механизмы конституирования: интенциональность (направленность сознания на предмет), которой, впрочем, предшествует пред-интенциональная стадия нашей чувственности, внутреннее сознание времени, установление каузальных связей вещей с окружающим миром, конституирование Другого и собственного Я в процессах аппрезентации (своеобразная аналогия, в которой человек, непосредственно воспринимаемая одну из сторон предмета, «автоматически» воспроизводит и другую, не находящуюся в непосредственности актуального опыта) и вчувствования (когда мы соотносим конкретные психические явления, протекающие в нашей собственной субъективности, с аппрезентативно конституированной психикой Другого). Существуют и специфические механизмы социального конституирования: типизация, хабиитуализация, институционализация и др..

Последний элемент выделенной в самом начале триады — объект конституирования (а для социологии таковым является прежде всего социальная реальность, общество) — теснейшим образом связан с понятием интерсубъективности.

Существует достаточно много интерпретаций этого термина, но, так или иначе, интерсубъективность есть выражение мы-ситуации, мира, в котором помимо меня живут и действуют другие люди. Интерсубъективность указывает на то общее, что есть у разных людей и благодаря чему они могут эффективно взаимодействовать и достигать своих практических целей.

Что же представляет собой интерсубъективность с точки зрения субъективистской социологии?

Прежде всего, интерсубъективность можно представить как еще одну априорную структуру сознания, которая, будучи таковой, имеется у каждого человека и является при этом лишь априорной способностью, возможностью, инструментом конституирования социального мира, мира общих значений. Но пока еще все равно не совсем ясно, что именно представляет собой такая априорная структура. Интерсубъективность — это не просто интенциональная структура нашего сознания, отвечающая факту существования других Я, это также априорная способность вырабатывать смыслы, общие для разных людей, посредством установления психофизического единства смысла и знака, а также — воспринимать эти смыслы. Кроме того, важной характеристикой интерсубъективности как априорной структуры является наша способность воспринимать мир, в том числе — человеческий, социальный, культурный — как непосредственно и несомненно данный и объективный имеющий, по сути, онтологический статус; иными словами, это способность и необходимость реагировать на мир посредством естественной установки.

¹ Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Ереван, 1987. С. 72, 73.

Интерсубъективность можно понимать и как характеристику, особенность самого мира. Окружающий человека мир интерсубъективен по природе, он формируется и воспроизводится людьми, это Жизненный Мир, который первоначально воспринимается как несомненно данный и несомненно реальный, существующий вне и независимо от человеческого сознания. (Здесь, кстати говоря, намечается и синтез понятий интерсубъективности как априорной структуры сознания и интерсубъективности как характеристики самого мира).

Очевидно, что интерсубъективность тесно связана с процессами конституирования. Как и любой объект, интерсубъективный, то есть, социальный, мир — это мир конституированный. Человеческая субъективность конституирует Жизненный Мир, вырабатывает соответствующие смысловые структуры.

Конституирование интерсубъективного мира отличается от всех остальных видов конституирования одной более чем существенной особенностью: оно насквозь исторично. Мы не создаем заново социальный мир, мы используем уже конституированный нашими предками интерсубъективный мир как гилетический материал для конституирования нашего собственного. Все социальные отношения, институты, традиции, культурные стереотипы и т.п. передаются нашими родителями и «учителями», причем передаются как несомненное, реальное и объективное пространство наших будущих человеческих отношений. Одновременно начинают работать механизмы естественной установки, закрепляя эту переданную и соответствующим образом реконституированную реальность.

Теперь можно заключить, что с точки зрения субъективистской социологии социальный мир конституируется каждым отдельным человеком, причем конституируется как мир интерсубъективный, интегрирующий в себе «Я» других людей и отношения между ними. Общество, которое, в сущности, и есть типизированная и институционализированная «практическая интерсубъективность», становится, таким образом, идеально-объективной реальностью.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Бочковар Екатерина Викторовна — магистрант ФСН.
2. Власов Сергей Владимирович — аспирант кафедры общей социологии и социальной работы ФСН.
3. Голованова Ирина Леонидовна — ассистент Межвузовского центра по разработке концептуальных основ и содержания гуманитарного образования при ННГУ.
4. Дятлова Любовь Сергеевна — социолог кафедры прикладной социологии ФСН.
5. Заплаткин Максим Владимирович — аспирант кафедры общей социологии и социальной работы ФСН.
6. Зернов Дмитрий Васильевич — социолог кафедры прикладной социологии ФСН.
7. Карпов Павел Евгеньевич — студент ФСН, специальность «Социальная работа».
8. Кутявина Елена Евгеньевна — старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы ФСН.
9. Ларшина Наталья Валерьевна — аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы ФСН.
10. Макарьчев Михаил Станиславович — аспирант кафедры философии ФСН.
11. Маркова Елена Сергеевна — социолог кафедры прикладной социологии ФСН.
12. Шкурко Александр Владимирович — магистрант ФСН.

СОДЕРЖАНИЕ

Бочковар Е.В. Становление социологии в России (на примере Народного университета Нижнего Новгорода)	3
Власов С.В. Категория ценности в социологии.....	5
Голованова И.Л. Из истории становления принципов социальной политики в ФРГ.....	8
Дятлова Л.С., Маркова Е.С. Положение учителя в современном российском обществе.....	13
Заплаткин М.В. П.А. Сорокин о социальной стратификации	18
Зернов Д.В. Культурные ориентации современной интеллигенции (на примере учительства).....	20
Карпов П.Е. Социальная работа в армии.....	26
Кутявина Е.Е. Языковая и групповая идентичность. Роль языка в формировании групповой солидарности	28
Ларшина Н.В. Человек в мире игры	31
Макарьчев М.С. Русская философия. Русская традиция	34
Шкурко А.В. Конституирование социального мира	38
Сведения об авторах.....	43

Труды молодых ученых
Факультета социальных наук
ННГУ

Издательская лицензия ЛР № 071682 от 15 июня 1998 г.
Издательская лицензия № 020235 от 16 октября 1991 г.

Подписано в печать 27.05.2000. Формат 84×1081/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2.75. Зак. 427. Тир. 300.

НИСОЦ
603600, Нижний Новгород, ул. Белинского, 110, оф. 165
Издательство Нижегородского государственного университета
им. Лобачевского
603600 ГСП-20 Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.

Типография ННГУ, 603600, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.